

ОТ АВТОРА

*«Все не родившиеся одинаковы,
все родившиеся — кто как».*

*перефразированный
Лев Толстой*

Что случилось бы с чеховским Гуровым, роди ему ребёнок Анна Сергеевна, дама с собачкой? Не знаю. Но знаю, что произошло со мной, когда я позвонил в роддом, и мне сказали, что жена родила девочку. Впервые в жизни меня охватило непонятное чувство, которое состояло из двух ипостасей: радостного возбуждения и затаившейся где-то в глубине души тревоги. Теперь я не один, у меня есть ребёнок, мой ребёнок, и я буду связан с ним навсегда. Как в своих делах, так и в своих порывах. Моё «я» обратилось в «мы», и это «мы» означало, что появившаяся на свет девочка будет всегда считать меня родным. Родным отцом.

Я мечтал о дочери. Даже имя придумал — Ярославна. Придумал задолго до женьтибы, а когда женился, и жена шепнула мне, что станет мамой, крепко обнял её и выдохнул: «Хочу Ярославну». В ответ услышал: «Ладно».

Честно говоря, создание семьи не входило в мои ближайшие планы, но, как не уставала повторять моя бабушка, от судьбы не убежишь.

Судьбоносное лето началось с вздоха облегчения: пять лет учёбы в вузе окончены. Получен диплом радиоинженера, встречен хмельной рассвет после выпускного вечера, где восходившее над Старым Днепром солнце возвещало о начале новой, казавшейся вечной, жизни. Радость приумножил маленький земной эдем под названием пионерлагерь, в котором каждый год бессменная начальница встречала меня восторженными словами: «Не найти лучшего вожатого на всём побережье Азовского моря». Не спорил, ведь вожатыми работали сплошь девушки. Теперь чаша весов дрогнула. Получив добро у начальницы, я привёз в лагерь двух своих студенческих друзей: Володю, высокого стройного bruneta, интеллигента высшей пробы, и Михаила, носителя роскошных усов и видавшей виды гитары.

С Володей мы познакомились на вступительных экзаменах. Зашёл разговор о модернизме, с тех пор нас не разлить водой. А вот дружба с Мишей завязалась на почве кинолюбительства. Не просто дружба, родился творческий союз, оказавшийся даровитым. Снятые нами фильмы легко побеждали на институтских смотрах художественной

самодеятельности. Но лично для меня кино являлось не просто увлечением. С юности видел себя кинорежиссёром и, получив аттестат зрелости, ринулся поступать в институт кинематографии. Увы, оказался недостаточно зрелым. Зрелости добавила армия, но одновременно заморозила и новейшей электроникой, азы которой я постиг ещё в школе. После демобилизации задался вопросом: гнаться за кинематографическим журавлём или иметь в руке инженерную синицу? Склонился к синице, однако не прекращал смотреть на мир через глазок кинокамеры. Впечатления накапливались, рождались образы, вызревали замыслы, и теперь, когда синица была приручена, погнаюсь за журавлём ничего не мешало.

О, злосчастный рок! Оказавшись с друзьями в своём пионерском рае, я потерял рассудок от выпускницы хореографического училища, приехавшей в лагерь вести танцевальный кружок. Боже мой, и она оказалась ко мне равнодушна. Друзья считали моё увлечение блажью, мол, уедем, и всё забудется. Сам так думал, однако смена кончилась, мы растерянно смотрели друг на друга и не в силах были поверить, что расстанемся навсегда: танцовщицу ждал дома партнёр, сделавший ей накануне предложение, а меня ждал институт кинематографии, в который ещё надо было поступить.

Обнялись на прощание, в глазах слёзы, дети потянулись к автобусам, а наши ноги словно приросли к земле.

Вдруг осенило: партнёр никуда не денется, сбежим к моей бабушке, и хоть немного, да побудем вместе.

Глянув на свою избранницу, с надеждой спросил: — полетишь со мной?

Она согласно кивнула, даже не поинтересовавшись — куда?

Бабушка жила в старом тбилисском дворике в двухэтажном строении с густо увитыми виноградом верандами, отчего в её комнате, расположенной в нижнем этаже, постоянно не хватало света. Именно сюда принесла меня мама после роддома.

Имя бабушки — Мария. Бабушка не всегда жила в этой полутёмной комнате с верандой. Родилась она в княжеском доме, построенном ещё её прадедом, в нём выросла, в нём стала женой, матерью, родила пятерых детей, двое из которых умерли в младенчестве. Судьба не пощадила и мужа бабушки. Человек независимый, он не приглянулся советской власти, зато представителям этой власти приглянулся дом бабушки.

Вдове оставили пристройку, но жить бок о бок с каином она не пожелала. Дворник нашёл ей пустовавшую после наводнения комнату, куда она и переехала с двумя своими сыновьями и младшенькой Олей, моей мамой. Из вещей Мария перевезла семейный комод, сработанный краснодеревщиками ещё сто лет назад, шкаф с одеждой, стол со стульями, три сундука с книгами и свою кормилицу — швейную машинку. Бабушка обшивала богатых заказчиков, и они, к счастью, не потерялись. Дети не голодали, были одеты и обуты.

Когда моя мама встретила моего папу, её братьев в комнате уже не было. Один обзавёлся семьёй, второго забрала война. Воевал и мой папа, которого звали Вова. Молоденьким лейтенантом он оборонял от немцев Кавказ и после войны продолжил службу в Тбилиси. Познакомились мои будущие родители на физкультурном параде. Оба спортсмены, оба шагали в одной колонне. После свадьбы Вова оставил казарму и переехал к Оле. Через год родился я, а через три года, когда мама стала носить под сердцем второго ребёнка, папа демобилизовался и повёз жену на свою родину в провинциальный украинский городок. Городок славился построенным ещё в первую советскую пятилетку дизелестроительным заводом, на котором отец папы работал начальником планового отдела. От завода он получил трёхкомнатную квартиру и жил в ней со своей женой, младшим сыном и тёщей. Теперь к ним прибавились мои родители.

Меня временно оставили у бабушки, вернее у двух бабушек. Второй была баба Лиза, младшая сестра Марии, поселившаяся у неё после возвращения из дальневосточного посёлка, где она отбывала десятилетний срок как жена врага народа. Отбывала вместе с дочерью, которая за эти годы выросла и работала медсестрой в местной больнице. Дочь на родину не поехала, боясь новых преследований из-за расстрелянного отца. Долго не выходила замуж. А когда, наконец, вышла, и у них с мужем, бывшим заключённым, родился ребёнок, дочь послала маме телеграмму. День её доставки не мог не врезаться в мою память.

Почтальон застал виновницу торжества на веранде, варившую вместе с моей бабушкой ореховое варенье. Достав из сумки телеграмму, седовласый мужчина взметнул руку вверх и артистическим голосом возвестил о радостном событии. Немедленно был накрыт стол. Почтальон произнес тост, выпил бокал вина и удалился с обязательным в таких случаях рублём. Застолье продолжилось уже с соседками: бабой Надей и бабой Олей. В разгар веселья во двор вошёл ещё один почтальон. Подражая кинто, он спел бабе Лизе куплет из какой-то оперетты и вручил ей телеграмму с тем же содержанием. Правда, уже не с приклеенными полосками, а с написанным от руки текстом. Обладателю опереточного голоса налили, дали рубль, он ушёл, а через время явился третий почтальон. К вечеру в шкатулке бабы Лизы скопилось шесть одинаковых телеграмм. Никто не удивился, пир стоял горой, и за столом сидел уже весь наш дом. Жаль только, что подгорело варенье, моё любимое.

А через день мы провожали бабу Лизу на поезд. Билет взяли в мягкий вагон. Пусть дороже, зато удобней, ехать нужно было семь суток.

Проводница попросила провожающих выйти. Все засуетились и на прощание ещё раз обняли бабу Лизу. Мне она пожелала расти здоровым и быть отличником.

На перроне сгрудились у окна и обменивались молчаливыми взглядами. Сказано было уже всё.

Раздался гудок, окно поплыло, мы дружно замахали руками, и каждый понимал, что баба Лиза уезжает навсегда.

Назад шли как с похорон, но слёз ни у кого не было.

Удивительно, я вообще не видел в доме бабушки слёз. Хотя тех же бабу Олю и бабу Надю судьба не баловала.

О жизни бабушек я узнавал во время их разговоров за ежевечерним чаем. Внимания на меня не обращали, как не обращают внимания на домашнюю собачонку.

Своей смертью умер только муж бабы Нади, но умер, не прожив и года после возвращения с войны. А вот мужа бабы Оли увезли из дома ещё во времена «ежовых рукавиц», так говорили сами бабушки.

Не находившая себе места жена металась по инстанциям, металась больше месяца, наконец, узнала, где находится её муж. С трудом пробилась к начальнику.

Войдя в кабинет, просительница наткнулась на колкий взгляд сидевшего за столом мужчины в военной форме. Не растерялась.

— Меня звать Ольга. Я жена Резо Донадзе. Хочу повидаться с мужем.

Начальник обвёл глазами стоявшую перед ним красивую, с длиной косой женщину и велел ей раздеться.

Ольга побледнела и тихо спросила:

— Потом я увижу мужа?

Начальник встал.

— Посмотри на твоё поведение.

Ольга раздевалась, повернувшись к мужчине спиной. Услышала:

— Расплети косу.

Расплела трясущимися пальцами и, уронив руки, замерла.
Когда всё кончилось, Ольга, с трудом сдерживая слёзы, спросила:

— Теперь повидеюсь с мужем?

Мужчина, не ответив, вернулся к столу. Сев в кресло, достал из ящика толстый журнал.

— Как говоришь, фамилия мужа?

В глазах Ольги вспыхнула надежда.

— Донадзе, Резо Донадзе.

Мужчина открыл журнал, пролистнул его и стал вести пальцем по списку фамилий. Внезапно расхохотался.

— Подойди.

Ольга на цыпочках подошла к столу и заглянула в журнал через плечо начальника. Напротив фамилии мужа стояла сделанная красным карандашом надпись: «Расстрелян».

Начальник убрал палец и снова захохотал.

Баба Оля вспомнила о своём муже в связи с косой, которую она тогда срезала. Теперь, разбирая старый сундук, на неё наткнулась.

Бабушки эту историю знали, но я, десятилетний мальчик, уже всё понимавший, был настолько потрясён, что присел у тахты и, уткнувшись лицом в кружевную подушечку, тихо заплакал.

Ежевечерний чай был для бабушек отдохновением. Говорили они обо всём, но, поразительно, никогда ни на что не жаловались, даже на погоду. Размеренные речи седовласых женщин походили на былины, которые откладывались в моей памяти в виде нескончаемой антологии.

С гордостью узнал, что моя бабушка считалась одной из лучших портних Тифлиса. Её заказчиками были городские чиновники, профессора, богатые торговцы, известные актёры и певцы. А учили бабушку ремеслу сразу три женщины: её бабушка, мама и крёстная мама. Каждая из них давала ценные советы, вносила те или иные поправки, и все трое строго оценивали результат. Свой опыт бабушка пополняла, наблюдая за работой портных из азиатского ряда на Татарском майдане. Важными для неё были как раз мелочи. Сравнивала она их с гранатовыми зёрнышками в сациви: «И глаз радуют, и на вкус влияют».

Шила бабушка до глубокой старости. Однако меру в работе знала. По часам — завтрак и обед. В выходные и в праздники швейную машинку — на замок.

Для церковных праздников бабушка заранее покупала цветы. А уже утром протирала икону, передававшуюся из поколения в поколение, подливала в лампадку масло и, чиркнув спичкой, поджигала подрезанный

фитилёк. Идя в церковь, брала меня с собой. После службы мы ехали на кладбище, где были похоронены близкие бабушки. Пообедав, отправлялись в городской парк, который назывался Муштайдом. Думал, это слово грузинское, оказалось, нет. Бабушка пояснила. В Персии так называли высшее духовное лицо. У Муштаида возник конфликт со светской властью, и, чтоб избежать расправы, он укрылся в Тифлисе. Городские власти встретили его с почётом. В благодарность за оказанное ему радушие он и заложил этот парк.

Муштайд был одним из моих любимых мест. Войдя в высокие ворота, мы шли к пруду, где я любовался величественными лебедями и всякий раз вспоминал сказку «Гадкий утёнок». На очереди было «чёртово колесо», стоявшее у самой пропасти. Потом я катался на детской железной дороге, потом мы заходили в кафе и ели мороженое под звуки духового оркестра, долетавшие с летней эстрады. Затем просто гуляли по дорожкам парка из красного битого кирпича. Обязательно выходили на аллею, где вдоль густого кустарника тянулись аттракционы для взрослых. Больше всего меня привлекал аттракцион с двумя баранами, разделёнными наклонной плоскостью с рельсами. Один баран находился внизу, второй вверху. Нижнего барана нужно было толкнуть с такой силой, чтоб он ударил в лоб верхнего. Силачи попадались редко, но мы с бабушкой не уходили, пока бараны не сталкивались. Однажды к нам прицепился фотограф: «Какой мальчик! Какой костюмчик! Какая будет память!» Бабушка махнула рукой — фотографируй. Когда «птичка» вылетела, я бросил фотографу: «Костюмчик бабушка шила». В ответ услышал: «Вах! Вах! Вах!»

После парка мы гуляли по городу. Как-то бабушка показала мне здание, в котором раньше находился институт благородных девиц, где она училась в молодости. Улица поднималась вверх и называлась «Цхакая».

Показав на табличку, я спросил бабушку:

— Цхакая — случайно не «крутая» по-грузински?

Бабушка улыбнулась:

— Нет, это фамилия.

— Чья?

— Человека, который устанавливал в Грузии советскую власть, — бабушка замедлила шаг. — Но раньше эта улица называлась Бебутовская в честь Бебутова, героя Крымской войны. Знаешь такую?

— Конечно! — ответил с достоинством. — У меня по истории пять.

— Молодец.

— Но вот Бебутова не припомню.

Голос бабушки взлетел:

— Бебутов был полководцем выдающимся, участвовал во многих боях. Когда император получил донесение о битве, где Бебутов со своим маленьким отрядом нанёс поражение шестидесяти тысячам турок, он выразился так: «Князь хочет удивить меня победой, удивлю же его наградой». И наградил Бебутова орденом Святого Андрея Первозванного.

— Это высокая награда?

— Для генерал-лейтенанта, а именно такой чин был у Бебутова, награда была беспримерной.

Удивился познаниям бабушки:

— Ты помнишь всех героев?

— Не всех, — бабушка хитро улыбнулась. — К нам в институт приходил сын Бебутова, тоже военный, и мы, молодые девушки, слушали его открыв рты. Кстати, и твой прапрадедушка сражался с турками.

Посчитал.

— Получается, это твой дед?

— Правильно.

— А папа твой воевал?

— Отец — нет. Но человеком он был воинственным. Заседал в Городской Думе и спуска никому не давал. Проверял всё лично. Однажды умирал бунтовщиков и получил удар кинжалом.

— Ты говорила, он умер от воспаления лёгких.

— Да. Рана от кинжала была не смертельной.

Бабушка разговорилась впервые. Обычно, если я что-то спрашивал, она отвечала скупко. А за шитьём её вообще нельзя было трогать. Заявляла: не дай бог, строчка уползёт. Но я нашёл выход. Задавал вопрос, когда бабушка не крутила машинку. А спрашивать было о чём.

У бабушки хранились три сундука с книгами. Доставал их, листал, позже стал читать и с годами понял, какие это сокровища.

Где я ещё мог прочесть недоступную в советское время Библию? Нигде. А богато иллюстрированные «Илиаду», «Божественную комедию», «Золотого осла», «Фауста»? Эти книги с «ятами» не только расширяли мой кругозор, но и формировали мировоззрение. Бабушка не спрашивала, что я там читаю, строчила себе и строчила.

В сундуке были книги и на грузинском языке, и на французском языке, и даже на латинском. Находил дореволюционные журналы мод, театральные программки, поразился путеводителю по Тифлису — столько информации. В отдельной коробке лежали книжки стихов с дарственными надписями авторов: Сергей Городецкий, Василий Каменский, Алексей Кручёных, Татьяна Вечорка, Тициан Табидзе. Эти имена мне тогда ничего не говорили, слышал только о поэте Табидзе. Книжки адресовались лично Марии, и я не мог не спросить бабушку об их авторах.

Отвечала она неохотно.

В молодости бабушка нередко посещала поэтические вечера, выставки художников, концерты музыкантов. Тифлис в то время называли кавказским Парижем, в город приезжало немало знаменитостей, и они надолго в нём оставались. Шумно проявляли себя и местные таланты. Со многими из них бабушка была знакома.

Говоря ровным голосом об авторах подаренных ей книг, она неожиданно воскликнула:

— Ах, как я танцевала мазурку! А как изъяснялась по-французски!

Воспользовался моментом.

— Можно показать одну книгу?

— Ну, покажи.

В сундуке лежала французская книга с длинным-длинным названием. Меня заинтересовала обложка: девушка скачет на осле.

Побежал, принёс.

— Переведи.

Бабушка бросила взгляд на книгу.

— Одно время это был очень модный роман. Называется он: «Мёртвый осёл и гильотинированная женщина».

— Да?! — удивился. — И о чём роман?

— О девушке по имени Генриетта. Она была добропорядочной, но потом постепенно опустила на дно, совершила убийство, и за это её казнили.

— А мёртвый осёл?

— Это был ослик героини. Его отправили на живодёрню.

Хотел ещё спросить о романе, но бабушка продолжила шить, и обращаться к ней второй раз я не решился.

По-настоящему загорались глаза у бабушки, когда она разделялась с очередным заказом. Узнавал об этом по её неизменной фразе: «Сегодня идём кутить».

Бабушка тщательно вытирала машинку, собирала обрывки ниток, лоскутки, ставила на полку маслёнку и шла мыть руки. Кран находился во дворе и был единственным на весь дом. Возвратившись, бабушка надевала специально сшитое для выхода платье, причёсывалась и душила.

Выйдя из дома, мы спустились по булыжной улице к проспекту Руставели и шли в ресторан, в котором бабушка была завсегдатаем.

Швейцар любезно открывал ей дверь и, получив рубль, кланялся. Подскакивал усатый метрдотель. Проводив бабушку к столику, оставлял её выросшему словно из-под земли официанту. Тот спрашивал: «Как всегда?» Бабушка кивала — да. На столе появлялись грибочки, сыр, лимон, лобио, сациви и маленький графинчик лучшего грузинского коньяка. Передо мной ставили моё любимое хачапури и бутылку тархуна. Потом были ещё десерты, мороженое и ореховый торт, который мы уносили с собой. Бабушка щедро расплачивалась и, выходя из ресторана, ещё раз одаривала швейцара.

К ней относились с уважением не только за щедрость. Как грациозно она шла, с какой ровной спиной сидела, как держала вилку, как держала нож! Загляденье!

С тортом мы шли на улицу Грибоедова к первой жене сына бабушки, дочери белогвардейского генерала, перешедшего на сторону советской власти, но позже арестованного и расстрелянного.

Дочь генерала проживала в малюсенькой комнате со своим взрослым сыном, внуком бабушки. Семья распалась давно, но бабушка продолжала относиться к бывшей невестке как к близкой родственнице. Сейчас сын бабушки жил в Риге с новой женой и дочерью, которая была чуть старше меня.

Попив чай с тортом и поговорив о том о сём, бабушка обнимала внука, и мы уходили.

В это время уже было темно и почему-то всегда безлюдно. Фонари светили тускло, тени еле просматривались, отчего убегающая вдаль улица казалась нарисованной. Картина оживала, когда ярко светили звёзды. Не уставал очаровываться Большой Медведицей и каждый раз проводил от неё линию к Полярной звезде. Задумывался, есть ли там кто, а если есть, то видит ли землю? А нас с бабушкой?

Подошли к дому. Тёмный двор, тёмная веранда. Всё было как всегда. Бабушка на ощупь доставала с полочки ключ, открывала навесной замок и вешала его на гвоздь рядом с дверью. Переступив порог, она включала свет, тянула гирьку на часах-ходиках, отрывала листок календаря и, глянув на икону, говорила: «Хороший был день».

Когда мой братик попрос, папа привозил нас к бабушке уже двоих. Уезжал на следующий день. Брата родители называли Толиком, с ним я играл в шашки, в карты, в домино, пинал мяч во дворе. К нам присоединялись две соседские девочки — сёстры, Люся и Жанна. Мы играли в жмурки, в догонялки, да во что мы только не играли. Набегавшись, пускали мыльные пузыри, а вечером смотрели диафильмы. Экраном служила глухая стена соседнего дома. Сын бабы Оли, Гиви, забил в неё гвозди, и мы вешали на них простыню. Нередко он и сам смотрел с нами диафильмы. Вызывался читать надписи, но читал их так, что мы умирали со смеху. То рычал медведем, то пищал комариком, то квакал лягушкой.

Гиви как сын врага народа воевал в штрафбате и чудом остался жив. Женатым не был. Окончив технический вуз, он работал в научноисследовательском институте и занимался разработкой лазеров. Однажды принёс две голографии. Смотришь на

тонкую пластинку и диву даёшься: за пластинкой стоит ваза, но в реальности её нет. На второй голографии красовался футбольный мяч. Ничего удивительного, Гиви был завзятым болельщиком, не раз брал меня с собой на стадион и даже познакомил с самим Метревели. По ходу матча Гиви рассказывал об игроках, но больше говорил о Месхи. От его финтов он сходил с ума, как сходил с ума и от забиваемых тбилисским «Динамо» голов. Поведал Гиви и печальную историю. Предстояла игра с московским «Спартаком». Матч был принципиальным, билетов не достать, и болельщики, сметая милицию, ринулись на стадион. Произошла давка. Сколько человек погибло, неизвестно. Тела убрали быстро, кровь смыли пожарные машины. И теперь перед матчами у стадиона дежурила конная милиция.

Однако не одним футболом был жив Гиви. С не меньшим увлечением он рассказывал о передовых достижениях науки. Показывал журналы «Техника молодёжи» и «Наука и жизнь». Стоило мне прочесть пару статей, и я уже не мог жить без этих журналов. Читал их и будто скакал по этажам мироздания.

В то же время, меня нисколько не удивлял погружённый в некое безвременье мир бабушки. Она готовила на керосинке, стирала в тазике, гладила чугунным утюгом и при этом чувствовала себя вполне комфортно.

Но что ей керосинки, что тазики, её мир покоился, как говорила сама бабушка, на трёх китах, и китами этими были три библейские фразы: «Что было, то и сейчас есть, а что будет, то уже было», «Бог даст день, Бог даст и пищу», «Бог судьбу начертал, и от судьбы не уйти».

Содержание, заложенное в этих фразах, являлось сутью бабушкиного бытия, бытия ежедневного, ежечасного. И, главное, с китами не поспоришь. В школе мы учили, что первобытное общество было коммунистическим, и будущее, как заверяли взрослые, тоже будет коммунистическим. Второе: пищу бабушка добывала шитьём, но кто давал ей работу? Что касается судьбы, то я не исключал существование некоего мирового разума, который заранее всё разложил по полочкам.

Однажды за вечерним чаем с бабой Надей и бабой Олей бабушка увлеклась воспоминанием о муже, но и здесь она не обошлась без упоминаний о судьбе.

Полный откровений рассказ бабушки я не мог не запомнить. С годами домыслил его и дорисовал.

КРЕП-ЖОРЖЕТ

Давно не ведал Тифлис такой удушающей жары. Город погрузился в жёлтое марево, обмелела Кура. Облегчённо вздохнуть можно было только в подвалах духанщиков да на горе Мтацминда, где ещё гулял ветерок в сооружённых на скорую руку тавернах.

Почтенные граждане зашторивали окна. Зашторивали для того, чтобы в дом не только не проникало горячее дыхание солнца, но и сохранились остатки ночной прохлады. Те из домочадцев, кого не требовало дело, пережидали жару в креслах-качалках, поглаживая сонную кошечку или читая бульварный роман.

Марию дело потребовало. Молочник сообщил ей, что в торговые ряды завезли новую партию вошедшего в моду креп-жоржета. Из него Мария шила платья светским барышням, и заказчиц только прибавлялось.

Невольница судьбы шла по Головинскому проспекту и огорчалась, что в спешке не захватила зонтик. Держалась тени деревьев. Приблизившись к Эриванской площади, Мария увидела уличных танцоров, танцевавших кинтаури. Удивилась: в такую жару! Кинтаури являлся не просто танцем, это было маленькое представление. Начинался танец медленно. Солист, двигаясь, удерживал на голове винную бутылку. Остальные танцоры, кружа вокруг него, поднимали вверх кружки. Вино наливалось, распивалось, темп нарастал, и потом шёл такой пляс, что за руками и ногами танцоров трудно было уследить.

Марии вспомнился отец, который влетал в такой вот круг и начинал быстро, быстро перебирать ногами. Из толпы кричали: «Каргад гакетебули!», что в переводе с грузинского означало: «Ай, да молодец!»

Наблюдая за танцем, Мария не могла не обратить внимания на одетого в щегольской костюм мужчину, прилепившегося к стайке институток. Не так давно она сама ходила в длинном тёмном платье с белым передником, однако теперь, после окончания «дамской академии», так ученицы называли институт благородных девиц, Мария имела возможность позволить себе любой наряд. Платье, в котором она вышла из дома, было скромным, зато прекрасно подчёркивало её фигуру. К платью были пристрочены волнообразные оборки из широкой ленты, и такая же лента красовалась на шляпке в виде огромного банта.

Щёголь резко обернулся. Взгляд Мария отвести не успела, и «ах, попалась птичка, стой!». Этими словами из популярной песенки награждали девушку, удостоившуюся внимания мужчины.

Щёголь пошёл прямо на неё. Не ожидая такого пассажира, Мария растерялась, но тут же взяла себя в руки: ставить на место ретивых кавалеров выпускница «дамской академии» научилась.

На волевом лице мужчины выделялись аккуратно подстриженные усики, а в его глазах читалось нечто шальное. Щёголь приблизился.

— Прошу прощения, милая барышня, ваш взгляд меня пленил.

Мария отпарировала.

— Вижу, вы приезжий.

— Угадали.

— Знакомьтесь на улице у нас не принято.

Мужчина не растерялся.

— А встреча знакомых допустима?

— Да.

— Так давайте познакомимся, и все дела. Меня звать Степан, в Тифлис я приехал, чтобы жениться.

— Вот и славно, — Мария окончательно пришла в себя, — отправляйтесь к своей невесте.

Мужчина бесцеремонно взял её под руку.

— Невеста — это вы. Прогуляемся, — щёголь, сделав шаг, потянул за собой милую барышню.

Мария повысила голос:

— Отпустите руку.

— Веду вас в тень, солнечный удар — удар нешуточный.

— Знаете что, — попавшаяся птичка невольно двигалась за навязчивым ухажёром, — удар вы можете получить от моего супруга, поэтому вам лучше отправиться в дом терпимости, он тут недалеко.

Степан засмеялся.

— Я как раз оттуда. И, знаете, мне никто не приглянулся.

— Жаль.

— А вот вам я предлагаю руку и сердце.

Мария попыталась остановиться.

— Сказала же, у меня есть муж.

— Прошу прощения, я достаточно повидал людей и легко могу читать по глазам. В ваших карих глазках написано, что, во-первых, у вас нет мужа, а во-вторых, я вам понравился.

Мария перестала противиться.

— Скажу вам честно, меня заинтересовали не вы, а ваш костюм, такие сейчас носят в Лондоне.

Степан, войдя в тень, остановился и, наконец, отпустил локоть Марии.

— Костюм, и правда, английский. Но вернёмся к началу. Я предлагаю вам руку и сердце.

— Вы шутник, — Мария покачала головой. — Предлагать руку и сердце первой встречной женщине...

Степан перебил:

— Вы не первая встречная, вы именно та, на которой я хочу жениться.

— Да откуда вам знать меня!

— Повторяю, я вижу вас насквозь и ответственно заявляю, что вы как раз думали о замужестве.

Марию обожгло. Вчера, когда она вышла из церкви и дала мелочь нищему, тот вдруг бросил: «Не упusti суженого»; и мать вчера, гадая на пуговицах, сказала, что этот месяц удачный для замужества. А уже утром случилось редкостное событие. Мария, поливая китайскую розу, вдруг заметила завязавшийся на веточке бутон. Поверье в таком случае гласило: незамужняя девушка вскоре встретит свою вторую половину.

Против воли у неё вырвалось:

— Встретимся здесь, завтра, в это же время, — Мария повернулась и пошла не оглядываясь. О креп-жоржете забыла.

Весь оставшийся день она отгоняла от себя мысли о предстоящей встрече, но они сами лезли в голову, как лезет из кастрюли взошедшее тесто. Невпопад отвечала матери, сестре. И только перед сном успокоилась: не придёт и ладно.

Проснулась чуть свет, села за машинку, но шить не смогла. Встала, прошлась по комнате. Подойдя к окну, приподняла штору. Дворник подметал опавшие от жары листья.

Мария решала, какое платье надеть. Примерила одно, другое, но в последний момент надела вчерашнее. Смешно было надеяться на «руку и сердце»!

В девятнадцать лет она чуть не вышла замуж. Отец желал выдать её за сына своего приятеля. Увы, чувств к молодому человеку она не испытывала, но издавна считалось: стерпится-слюбится. Скоропостижная смерть отца позволила ей избежать брака. С тех пор Марии не раз делали предложение, но она уходила от ответа, ибо никто из кавалеров ей не нравился. И вот только вчера у неё неровно забилося сердце.

Девичий приём с опозданием Мария считала несерьёзным, поэтому вышла заранее. Наметила ещё зайти в церковь и поставить свечку Богородице.

Зонтик в этот раз не забыла, но открывать его не спешила, солнце не было таким палящим.

Степан пришёл. Пришёл в строгом костюме и с букетиком васильков. Мария всплеснула руками.

— Мои любимые цветы! Откуда вы узнали?

Степан вручил ей букетик.

— Здравствуй, Мария.

— Имя тоже знаете, — она спохватилась, ибо не ответила на приветствие. — Здравствуйте.

— Переходи на «ты», и я всё расскажу.

— Не могу на «ты». Откуда вы узнали моё имя?

— Прочитал в волшебной книге, а я, к твоему сведению, волшебник.

— И где находится волшебная книга?

— В моей голове.

— Что ещё есть в книге?

— Всё! Знаю даже, кому ты сейчас шьёшь платье.

— Но откуда?!

— Повторяю, из волшебной книги.

— Вам не достаточно забавляться? — Мария сказала серьёзно.

Степан засмеялся.

— Чего мы стоим, пошли.

— Куда?

— Предлагаю подняться на фуникулёре на вашу замечательную гору, там я нашёл таверну, где лучше всего готовят твоё любимое сациви.

— И это знаете.

Степан взял Марию под руку.

— Извини, я вчера пошёл за тобой и увидел у твоего дома дворника, он оказался разговорчивым.

— Дато?! Да из него двух слов не вытянешь.

— Смотря где разговаривать. В духане он выложил о тебе всё, что знал, и даже то, о чём только догадывался.

— Ах, Дато!

— Не ругай его, он говорил о тебе только хорошее.

— Я никогда никого не ругаю, — Мария открыто взглянула на Степана. — Можно хоть что-то узнать о вас?

— Нужно. Но прежде накормлю тебя.

Мария спохватилась.

— Я не голодна. Давайте пройдем к базару, хочу посмотреть одну ткань.

— Пожалуйста.

Мария передала васильки Степану и открыла зонтик. Выйдя из тени, пара направилась к базару.

Без всяких предисловий Степан повёл рассказ о себе.

Родился он в городе Ровно Волынской губернии. Родители и старшая сестра умерли от тифа, когда ему не было ещё и шести лет. Мальчика определили в приют, где он быстрее всех освоил грамоту. Способности его оценили и направили учиться в реальное училище на бесплатной основе как сироту. Степан много читал, мечтал поездить по миру и даже надеялся совершить кругосветное путешествие. Окончив училище с отличием, он получил в подарок велосипед, и подарок этот оказался для него знаменательным. Став старше, Степан ринулся осуществлять свою мечту. Побывал в Киеве, Петербурге, Москве, Риге, поездил по Польше. Перебивался случайными заработками. Неожиданно его потянуло на Урал. Поработав недолго на приисках, Степан решил освоить какие-нибудь ремёсла, и вскоре уже мог сложить печь, смастерить мебель, огранить камни. Скопив денег, он отправился в Одессу, море продолжало его манить. Устроился работать портовым грузчиком и одновременно изучал морское дело. Будучи общительным, Степан легко заводил знакомства. Случай свёл его с ответственным работником таможни. Живой, смекалистый парень чиновнику понравился, и он взял его на службу. Новая работа увлекла Степана. Оформляя документы, он узнавал, какие товары и в каком количестве ввозятся в Россию, в каких странах производятся, каковы их цены. Степан внимательно следил за прибывавшими из-за границы новинками. Взятку не брал, считал это недостойным мужчины. Его усердие начальство ценило и продвигало по службе. Ко всему, Степан обладал умением обратить на себя внимание в любой компании. За словом в карман не лез, вдохновенно произносил тосты, мастерски рассказывал анекдоты, которых знал уйму. Со временем у него появилось немало знакомых. Чиновники, купцы, банкиры, артисты, журналисты, врачи. Его близким приятелем стал знаменитый велогонщик Сергей Уточкин. Степан болел за него на соревнованиях, отмечал с ним победы и с радостью встречал на таможне, когда чемпион привозил завоёванные призы. Нередко победитель вёз велосипеды, причём, новейшей конструкции. Будучи знакомым с самим Эдоардо Бьянки, основателем ведущей итальянской компании по производству велосипедов, Уточкин покупал новинки прямо на заводе-изготовителе, что получалось куда дешевле. Однажды он привёз велосипед, у которого впервые в мире появились педальный тормоз и механизм свободного хода. Не надо было крутить педали, когда велосипед катился сам. Эта революционная новинка навела Степана на мысль, что такой велосипед захочет иметь пол-Одессы. Сделав расчёты и составив подробный план, он отправился к своему приятелю, держателю крупнейшего магазина по продаже велосипедов. Опытный торговец мгновенно уловил суть дела, и колесо фортуны закрутилось. В банке был взят кредит, Уточкин написал рекомендательное письмо к Эдоардо Бьянки, и начинающий делец отправился за велосипедами в Милан. Покупка прошла без сучка и задоринки. Степан зафрахтовал корабль, погрузил на него товар, и — встречай велосипеды Одесса. Но это не было финалом. Первую партию новых зарубежных товаров, ранее не продававшихся в России, разрешалось провозить беспошлинно с целью их пропаганды. Велосипеды таковыми не являлись, но Степану удалось доказать новизну товара, и он сам оформил все таможенные документы. Мало того, им был продуман и способ реализации товара. Для этой цели Степан привлёк трёх своих приятелей. Первым был тот же Уточкин, вторым — известный журналист и писатель Александр Куприн, третьим — модный фотограф с Дерибасовской Вадим Нехамкин. С новым велосипедом компания отправилась к знаменитой одесской лестнице. Уточкин, используя тормоз, виртуозно съехал по ступеням лестницы целых три раза. Нехамкин

снял спуск, а Куприн тиснул статью в газету «Одесские новости». В ней автор «Олеси» красочно описал проделанные рекордсменом мира кренделя на небывалом доселе велосипеде и подкрепил написанное фотографиями. Такой трюк обладателям обычных велосипедов мог только сниться. В статье стояла и дата начала продажи, что ускорило реализацию товара. Задолго до открытия магазина у дверей выстроилась очередь. А сами двери распахнулись под игру скрипача, и не кого-нибудь, а самого Пейсаха Столярского. Уже к вечеру вся привезённая партия велосипедов была продана. Однако те, кому новинок не досталось, наперебой спрашивали о следующем поступлении. Степан отправился в новый вояж, а после ещё в один. Подсчитав полученную прибыль, он понял, что пора заняться личной жизнью. Удачливый предприниматель видел себя примерным семьянином и хотел, чтобы супруга была такой же. Одесситки, по его мнению, не годились, были слишком свободолюбивы. Попытать счастья Степан решил в Грузии, где женщины почитали своих мужей издревле. Да и Тифлис называли городом-раем. Степан перевёл деньги в известный тифлисский банк «Общество Взаимного Кредита» и уплыл на пароходе в Потти. Оттуда по железной дороге доехал до Тифлиса. На вокзале ему порекомендовали гостиницу «Гранд-Отель», где он и поселился. Выбрал лучшие апартаменты, а потом услышал от коридорного, что в этом номере была застрелена иностранка. Не знал, верить сему или нет.

Мария слушала Степана с живейшим интересом. Человек сделал себя сам! Придя в себя, она ответила на вопрос об иностранке.

— Эта история прогремела на весь город. Иностранкой была норвежская писательница и пианистка Дагни Юль. Но слава к ней пришла не как к писательнице, а как к музе и натурщице известных европейских живописцев, в основном Эдварда Мунка.

— Не слышал о таком.

— И хорошо, что не слышал. Мунк мрачный художник.

Степан вопросительно глянул на Марию.

— Как занесло сюда эту натурщицу?

— Сбежала от супруга с богатым нефтепромышленником. Да ещё взяла с собой шестилетнего сына.

— Понятно, муж нашёл её и убил.

— Нет. Убил её как раз любовник, убил из-за ревности, и что ужасно, убил на глазах мальчика. Потом, правда, застрелился сам.

— Какие страсти! Может, мне сменить номер?

— Смени, если боишься призраков.

— А вот и останусь!

Начинался базар. Степан, заговорившись, чуть не наткнулся на идущего впереди ослика, навьюченного бурдюками с водой. В такую жару вода была ценнее вина.

А Мария до сих пор находилась под впечатлением от рассказа Степана. Конечно, её интересовали подробности, но расспрашивать о чём-либо мужчин было не в её характере. Главное, он оказался не ловеласом. Да она и не верила в это. А что Степан сразу положил на неё глаз, объяснялось просто. Мария не была писаной красавицей, но в любом обществе мужчины видели в ней не просто женщину, они видели перед собой княжну. Княжной она и была.

Мария, закрыв зонтик, двинулась по узкому проходу между двумя рядами лавок. Степан шёл за ней и восхищался невероятным разнообразием товаров. Поворачивал голову то влево, то вправо. В середине ряда его внимание привлекли оружейники. В небольшой лавочке сидело сразу пять человек. Один оттачивал острие кинжала, другой наводил глянец на клинок, третий золотил надпись, четвертый украшал бирюзой рукоятку, пятый, пробуя клинки на прочность, бил острием в железную полосу.

Последний, протянув Степану готовый кинжал, сказал:

— ოყოფი.

Мария перевела:

— Он говорит: «Купи».

— Я понял.

— Знаешь грузинский?

— Читаю по глазам, — Степан засмеялся. — Скажи ему: «Куплю в другой раз».

Мария обратилась к продавцу:

— სხვა ობიექტს ვიყიდო.

Тот, улыбнувшись, согласно кивнул.

За оружейниками располагалась табачная лавка. Здесь крошили табак и крутили папиросы. Дальше шёл ряд с материей, который и был целью Марии.

Статный грузин разматывал полотно, причём не только руками, а задействовал одну из ног, на которую был надет моток из блестящих нитей.

Креп-жоржет раскупили, но Мария не огорчилась. Запас у неё был, а завозили материал регулярно.

Она прошла дальше по ряду, где персы шили золотом по красному и зелёному сафьяну. За их работой Мария могла наблюдать часами, но только не сегодня. Скользя взглядом по сверкавшему на солнце узору, она стала продвигаться к выходу.

Степан, следуя за ней, увидел умельца, вырезавшего из плотной бумаги лицевые профили. Остановив спутницу, он подвёл её к умельцу.

— Покажи своё мастерство.

Тот посмотрел на Марию и попросил её не двигаться. Через минуту силуэт был готов.

Степан взял вырезку в руки.

— Похожа!

Мария благодарно кивнула мастеру, а Степан заплатил вдвойне.

На выходе из торговых рядов крутил ручку шарманщик. Рядом с ним сидел попугай, стоял ящичек с карточками и лежала тубетейка для денег. Когда в тубетейку бросали монетку, попугай клювом доставал карточку, на которой стояло число, означавшее количество лет, отпущенных человеку для жизни.

Степан потянулся за монеткой.

— Узнаем, сколько лет проживёт барышня.

Мария быстро ответила:

— Девяносто. Мне попугай уже доставал карточку.

— Тогда узнаю, сколько проживу я.

Степан бросил монетку, но попугай даже не шевельнулся. Отозвался шарманщик.

— Числа кончаются на «сто», а ты, сразу видно, долгожитель, сто двадцать лет проживёшь.

Все трое засмеялись. И засмеялся вдруг каким-то особым смехом попугай.

Выйдя с базара, Мария снова раскрыла зонтик.

— Недалеко Александровский парк, прогуляемся?

— Конечно.

В парке пара села на скамейку вблизи бюста Гоголя. Степан положил на колени вырезанный профиль Марии и взял спутницу за руку. В этот миг оба услышали пушечный выстрел, возвещавший о наступлении полдня.

Мария вздрогнула, а Степан сказал:

— Выстрел к месту. Я не знаю, что такое «любовь», но хочу прожить с тобой всю жизнь, хочу быть твоим защитником и защитником наших детей. Говорю это в здравом уме и жду твоего ответа.

Мария, помолчав, вздохнула.

— Чему быть, того не миновать.

И оба вдруг заговорили о каких-то пустяках. Степан шутил, Мария смеялась. Смеялась от души и сама себе удивлялась. Проявлять эмоции в общественном месте не полагалось. Помнила, как институтками они шикали на тех, кто, забываясь, начинал громко смеяться.

Степан неожиданно спросил:

— Правда, что ты видела, как революционеры грабили Государственный банк?

— Кто тебе сказал?!

— Твой дворник.

— Понятно.

— Правду сказал?

— Грабили не банк, а карету казначейства.

— Так ты видела?

— Можно сказать, да.

Мария откинулась на спинку скамейки и посмотрела вверх на стрелявшие сквозь листву лучики.

В тот июньский день тоже стояла жара. Мария шла покупать материал в торговые ряды. Шла без зонтика, и неожиданно ей вспомнилась грузинская богиня солнца Мзекали, и даже не столько она, сколько её отец, владыка мира Гмерти. Его представляли грозным быком в сопровождении стаи волков, которых он посылал на землю карать нерадивых.

Мария вдруг замерла, увидев тень волка. Тут же рассмеялась. Тень, похожую на волка, отбрасывала крона платана, росшего недалеко от таверны «Тилипучури».

Внезапно из неё выскочили двое мужчин в крестьянской одежде и, чуть не сбив Марию с ног, побежали к приближавшимся со стороны Эриванской площади фэзтонам, сопровождаемым всадниками. Мужчины что-то бросили под колёса карет, и в следующий момент раздались взрывы.

Мария непроизвольно кинулась к платану, прижалась спиной к стволу и закрыла лицо руками. Сквозь пальцы увидела, как к ней приближается коренастый мужчина. Встав у дерева, он нервное задвигал желваками.

На площади звучали выстрелы, слышалось ржание лошадей, раздавались людские крики и стоны, но Мария видела только настороженного мужчину. Внезапно он достал курительную трубку, сунул её в рот и быстро удалился.

Лишь через годы Мария поняла, что это был Сталин.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Весна одна тысяча девятьсот четырнадцатого года порадовала Тифлис теплом, да таким, что уже в конце марта зацвели магнолии. Их сладковатый с цитрусовой ноткой аромат, источаемый городскими садами и скверами, улавливался даже в центре Эриванской площади, куда с раннего утра стали прибывать полки Кавказской гренадёрской дивизии для проведения смотра.

Зрелище редкое, зевак собралось не меньше, чем верующих на праздновании Пасхи. Люд разношёрстный: от вездесущих кинто и торговцев из соседних лавок до выраженных дам и вдов в чёрном одеянии.

Не могла пройти мимо площади и умиротворённая после утренней проповеди в Александро-Невском соборе Мария. Она вспомнила себя маленькой, когда, держась за руку отца, с восхищением смотрела на стройные ряды маршировавших барабанщиков.

Задерживаться Мария не собиралась, однако заполнившая проходы толпа лишила её возможности выбраться наружу.

В газетах писали о нараставшей напряжённости между «Тройственным Союзом» и «Тройственной Антантой». Степан говорил, что такое противостояние может перерасти в войну. В связи с этим, видимо, и проводился смотр.

Полки, наконец, построились, начались доклады командиров.

До слуха Марии долетело: «Пятнадцатый гренадёрский Тифлисский Его Императорского Высочества Великого князя Константина Константиновича полк для проведения смотра построен. Командир полка полковник Юлиан Семёнович Прокопенко».

Чеканя шаг, к командиру дивизии приблизился следующий рапортующий. Отдав честь, он доложил: «Шестнадцатый гренадёрский Мингрельский Его Императорского Высочества Великого князя Дмитрия Константиновича полк для проведения смотра построен. Командир полка полковник Авель Гаврилович Макаев».

Мария услышала за спиной женский голос: «Кому докладывают, знаешь?» Она непроизвольно оглянулась и увидела молоденькую девушку, обращавшуюся к знакомому Марии юноше, сыну инспектора кавказских удельных имений Павлу, курсанту пехотного училища. Павел, встретив взгляд Марии, поклонился ей и, приняв ответный кивок, с достоинством ответил подруге: «Дивизией командует генерал-лейтенант Мышлаевский Александр Захарьевич».

Девушка воскликнула:

— Весь в орденах! Неужели можно столько заслужить?

— Ещё как!

— А какие это ордена?

Юноша усмехнулся:

— Проверяешь меня?

— Просто спрашиваю, мне интересно.

— Виду ордена Святой Анны нескольких степеней, Святого Станислава, Святого Владимира, Святого Александра Невского.

Мария не удержалась:

— Заметила и орден Белого орла, — благодаря отцу, она хорошо знала награды.

Павел согласно кивнул и вдруг обратился к девушке:

— Не могу не представить тебе самую известную портниху Тифлиса — Марию Давидовну, по мужу — Климчук. Наша семья шьёт одежду только в её мастерской.

Девушка застенчиво улыбнулась:

— Наслышана о вас и рада знакомству, — она сделала книксен. — Моё имя Светлана, учусь в Четвёртой женской гимназии.

Мария поправила у девушки шляпку.

— Павел преувеличивает. В Тифлисе немало прекрасных портных. И хочу спросить: начальница вашей гимназии не Софья Ивановна?

— Да, это моя мама.

— Я вот и смотрю, как ты на неё похожа.

— Все говорят.

– Передай привет. Она очень хороший человек.

– Спасибо.

Доклады продолжались. Отрапортовали командиры лейб-гренадёрского Эриванского полка, Грузинского полка, Кавказского драгунского полка, Кавказского сапёрного батальона, артиллерийской бригады.

И закрутилась карусель. Пошли перестроения, маршировки под барабанный бой, исполнение строевых песен.

Начали с «Петровского марша»: *«Знают турки нас и шведы. И про нас известен свет. На сражении, на победы Нас всегда сам Царь ведёт...»*.

Финалом послужила лихая походная песня: *«Разудалый ты солдатик. Русской армии святой. Славно песню напеваю. Я в бою всегда лихой! Не страшится русский витязь. Не страшится он никак. Ведь за ним семь молитвы. С ним и Бог, и русский царь.»*

Смотр закончился, толпа не спеша расходилась.

Мария не заметила, как ушли Павел со Светланой. Сама она, обойдя площадь, свернула на Головинский проспект.

Внезапно услышала: «Мара!». Так её называла только одна особа: взбалмошная Танечка Ефимова.

Мария обернулась.

– Ты разве не в Петербурге?!

– В Петербурге! – молодая женщина, одетая в вызывающий жакет и короткую юбку, да с надвинутой на лоб клетчатой кепкой, кинулась к Марии и крепко обняла её. – Сейчас всё расскажу! – отступив на шаг, она продолжила восклицать. – Это просто мистика! Не поверишь, я шла – к тебе! Приехала полчаса назад! Бросила сумку у бабушки, выскочила, и кого я вижу – тебя! По походке узнала! – переведя дух, Танечка продолжила. – А давай, махнём в бани! Ехала и думала: отправлюсь сегодня же! Соскучилась по серным баням. Петербург хорош, но таких бань не сыскать!

Мария перебила.

– Ты окончила Академию Художеств?

– Окончила, окончила! Но ударились в поэзию. В петербургском журнале «Лукоморье» вышли мои футуристические стихи. И знаешь, я взяла себе псевдоним.

– Ефим?

Татьяна прыснула:

– С какой стати?!

– Образовала от фамилии.

– Мара! Я что, мужчина?

– Подражая Жорж Санд, она ведь твой кумир.

– Да, кумир, но зачем мне кому-то подражать, я сама – личность! И к личности – соответствующий псевдоним.

– Какой же?

– Вечорка.

– Вечорка? – Мария пожала плечами. – Чем же он соответствует?

– В славянской мифологии это образ «Вечерней звезды», – Татьяна всплеснула руками. – Мы долго стоим! Берём кахетинское, сыр-пыр – и в баню!

Мария колебалась.

– Степан будет волноваться, подумает, куда я задевалась.

– Пусть думает и пусть волнуется! Потом я его расцелую.

Мария махнула рукой.

– Так и быть. Скажи только, ты приехала что-то пошить?

– Скажу, но сначала – за вином!

— Пошить — себе?

— А можно сохранить интригу?

Мария покачала головой.

— Можно. И храни тебя Бог, такую шумную.

Женщины направились к сверкавшему стеклянными витринами магазину «Дзмба».

У самых дверей Мария остановилась.

— Если брат хаетинское, то лучше в погребках братьев Шиканянц. Они недалеко.

— Идём! — Татьяна театрально взметнула вверх руки и хлопнула в ладоши. — Предвкушаю феерию!

В серных банях Мария абонировала свой любимый номер, где лёгкий пар окутывал в бассейне статую безымянной восточной красавицы. По углам бассейна горели в канделябрах свечи. Дрожащие огоньки играли сполохами на сводчатом потолке и в мозаичных стенах. Ещё один канделябр стоял в узкой нише и освещал дубовый стол, на котором красовалась глиняная бутылка, сверкали бокалы с вином и разливался свет по серебряному блюду с кудрявой горкой зелени и выложенными вокруг неё дольками сыра сулугуни.

В простынях и с распаренными лицами купальщицы сидели у стола в глубоких креслах. Татьяна, слегка раскачиваясь, читала свои стихи. Слог Марии нравился, но смысла в заумных фразах она не находила.

Сделав паузу, Татьяна отпила глоток вина и таинственно произнесла:

— Откроюсь тебе первой, Мара. Я готовлю сборник, который хочу назвать «Магнолии». А начинаться он будет такими вот строчками:

«Я не люблю цветов, они не знают боли, / Увянув медленно, они не говорят, / и лишь кошмарная фантастика магнолий / прельщает иногда мой утомленный взгляд».

Мария оживилась.

— Эти строчки мне нравятся.

Татьяна усмехнулась.

— Остальные, значит, нет?

— В остальные надо читать.

— Вчитаешься. Я привезла с собой журнал.

В голове Марии промелькнула догадка: так вот зачем она приехала, хочет выговориться именно ей.

Таня привязалась к Марии ещё подростком, когда набиравшая популярность портниха шила одежду её семье. Родители девочку не понимали, а Марии она доверялась легко.

Отец Татьяны служил начальником Земельного управления Закавказья и был человеком неординарным, более того, непредсказуемым. Не так давно, почувствовав боль в боку, он пошёл на приём к известному лекарю. Тот, обследовав его, с пригорбией сообщил, что с такими запущенными почками человек не проживёт и года. Последовал ответ: если так, то сидеть и ждать смерти глупо.

Отец Татьяны вышел в больничный двор и застрелился. Вскрытие показало, ничего серьёзного у него было.

Увы, лекарь не мог и помыслить о таком исходе. Он сознательно припугнул состоятельного пациента, чтобы тот не поспешил за последующее чудесное исцеление. Для матери Татьяны горе было безмерным, женщина сама хотела покончить с собой, но её удержали дети: дочь и сын.

Мария добавила в бокалы вино.

— Вспомнила твоего отца, предлагаю его помянуть.

Обе сделали по глотку, а после Мария сказала:

— Давай помянем и мою малышку.

Татьяна вскрикнула:

— Это какую же?!

— Новенькую.

— А сыновья как?

— Сыновья, слава Богу, здравствуют.

Татьяна вздохнула.

— Соболезную.

Теперь выпили до дна. Мария поставила бокал.

— Бог дал, Бог взял.

Татьяна встала.

— Пойдём, окунёмся.

— Пойдём.

Оставив в креслах простыни, женщины направились к бассейну.

Мария была уверена, что никогда не покинет Тифлис, ибо не сможет жить без серных бань. Их сказочные оранжево-коричневые купола околдовали её ещё в детстве. Утопленные в землю, они казались ей ни чем иным, как пристанищем джинов. Запах сероводорода, от которого морщились приезжие, стал для неё волшебным, а нагие женщины, размеренно двигавшиеся в лёгком мареве, представлялись ей призраками.

Мама привела Марию в это чарующее подземелье ещё ребёнком, и когда окликала её, мол, пора уходить, девочка делала вид, что не слышит. Закрыв глаза, она продолжала нежиться в этом чудесном, бьющим из-под земли горячем источнике, называвшемся по-грузински «тбилисо».

Татьяна показала на статую.

— Скажи, Мара, я полнее её?

Мария незамедлительно ответила:

— Нет.

— А друзья говорят, что мне надо худеть.

— Не надо. Ты же не собираешься быть демонстратором одежды.

— Я выхожу на сцену в самом артистическом месте Петербурга, и место это называется «Бродячая собака».

— Не слышала, но догадываюсь, к чему ты клонишь. Тебе нужен наряд, от которого все ахнут.

— Мара! Там ахают не от нарядов, там ахают от стихов! И лучшим нарядом признали бы костюм Евы.

Мария усмехнулась.

— Тогда ничем помочь не смогу. Правда, у меня есть знакомый медик, он может подсказать тебе, как правильно питаться.

Татьяна шлёпнула по воде ладонью.

— А говоришь, я не толстая!

— Скажу честно, есть одна лишняя складочка. И подожди, вы там голые, что ли?

Татьяна рассмеялась.

— Нет, конечно, за всё время обнажились только две прелестнейшие женщины.

— Лёгкого поведения?

— Здравствуйте, пожалуйста. Одной была ни кто иная, как Карсавина.

— Тамара Карсавина?! Балерина?

— Да, собственной персоной.

— И что, она вот так взяла и разделалась?

— Не «вот так». В тот вечер её чествовали как европейскую знаменитость. И обстановка была соответствующая. Наш художник Серёжа Судейкин оформил зал в древнегреческом стиле. Представь: зеркала, канделябры, амуры, гирлянды живых цветов. Выходит Карсавина, вся в белых розах, и танцует на голубом ковре, олицетворяя Афродиту. Потом розы падают, — Татьяна хитро улыбнулась. — Но остаётся одна — в виде фигового листочка.

Улыбнулась и Мария.

— Это уже не Афродита, это Ева.

— Какая разница, Мара! Главное в другом. Карсавина своим танцем продемонстрировала рождение любви.

— Ради Бога.

— Нет, это было очаровательно.

— Да я не спорю. Скажи только, — в голосе Марии появился шуточный тон, — второй прелестнейшей женщиной была не Айседора Дункан?

— Мара, Мара, ты хочешь сказать, что Айседора прелестнейшая женщина.

— Выглядит великолепно. Мы со Степаном видели её в Гранд-опера в Париже.

— С какого ряда?

— Сидели в середине партера.

— Вот! А я видела Айседору в прошлом году у нас в Петербурге. Видела, как тебя сейчас. И, поверь, никакого сравнения с нашей Оленькой Глебовой.

Мария перебила.

— Причём здесь ваша Оленька? Она кто?

— Актриса и танцовщица. Её называют волшебной феей Петербурга.

— Называют, и что?

— Ах, да, извини. Оленька и есть вторая прелестнейшая женщина, которая танцевала нагой. Когда я вижу её в очередном сногшибательном платье, всегда вспоминаю тебя.

— Сногшибательные — это какие?

— Сшиты по рисункам мужа Ольги, Серёжи Судейкина — его я уже вспоминала. Художник от Бога. Кстати, именно он расписал «Бродячую собаку».

— Что могу сказать: жене повезло с мужем, а мужу — с женой.

Татьяна вскрикнула.

— Ой! Там такие страсти!

— Представляю.

— Не представляешь! — в глазах Татьяны отразилось пламя свечей, и создалось впечатление, что вспыхнули сами зрачки. — Открою секрет Полишинеля. У Ольги был любовник, поэт Сева Князев. Но поэтов много, а этот гусар, да красавчик! Когда Севу призвали в полк, он вскоре застрелился.

— Почему?

— Не выдержал разлуки с любимой.

— А вернуться мог?

— Ой, Мара, что за вопрос, об этом никто не спрашивает.

— Скажи, раз Ольга имеет такие броские платья, зачем ей представлять ещё и в костюме Евы?

Глаза Татьяны продолжали гореть.

— Если честно, Ольга танцевала в прозрачной тунике, но под ней, да, ничего не было. Однако туника как раз и придавала шик. А ещё красные сапожки. Ольга, танцуя, стучала ими по зеркалу, а танец она исполняла из «Пляски козлоногих» композитора Ильи Саца.

— Извини, Саца не знаю.

— Это ты меня извини, — Татьяна прижала руки к груди, — бросаюсь именами. Но не о Саце речь, танец был потрясающим! Сходили с ума не только мужчины, но и женщины. Я видела восхищённое лицо Анны Ахматовой, — Татьяна прикусила язык. — Знаешь такую?

— Об Ахматовой слышала, модная поэтесса. Но стихов её не читала.

— Ахматова написала стих об этом танце! Прочешь?

— Прочти.

Татьяна выпрямилась в бассейне.

— *«Как копыцца, топочут сапожки, / Как бубенчик, звенят сережки, / В бледных локонах злые рожки, / Окаянной пляской пьяна, / Словно с вазы чернофигурной / Прибежала к волне лазурной / Так парадно обнажена».*

— «Парадно обнажена» — хорошо сказано.

Татьяна согласно кивнула.

— Вообще Ахматова редко проявляет эмоции, обычное её состояние — отрешённость. Сидит у камина, попивает кофе и курит тонкую папироску в длинном мундштуке. Царица! И с царицы не сводят глаз поклонники её таланта.

— Завидуешь?

— Нисколько. Не каждого человека Бог метит. Многие поэтессы подражают Ахматовой, а я пишу от души.

— От души — и надо.

— Кстати, Ахматова не успокоилась, в другом своём стихотворении снова упомянула Оленьку.

— Желаеть прочесть?

— Желая, — Татьяна вздёрнула подбородок и прикрыла глаза. — *«О, как сердце моё тоскует! / Не смертного ль часа жду? / А та, что сейчас танцует, / Непременно будет в аду».* А начало стихотворения такое: *«Все мы бражники здесь, блудницы, / Как невесело вместе нам! / На стенах цветы и птицы / Томятся по облакам».* — Это о нас.

Мария усмехнулась.

— К вам ходят только бражники и блудницы?

— «Ходят»?! — Татьяна резко повела рукой, отчего по воде понеслись круги. — Ты, Мара, употребила не тот глагол. В «Бродячей собаке» — живут! А всё, что находится выше нашего подвала — вечный сумрак.

— Поэтично сказала.

— Спасибо. И прошу прощения, мне просто необходимо передать тебе атмосферу «Бродячей собаки».

— Почему — необходимо?

— Это связано с целью моего приезда.

— Скажешь, наконец?

— Позже.

— Любишь ты загадки.

— Потерпи.

— Да я с удовольствием тебя слушаю. Волнуюсь только из-за Степана. Подумает: жена потерялась.

— Что значит — потерялась? Ты не имеешь права задерживаться?

— Имею право, но лучше Степана предупредить.

Татьяна удивилась.

— Как?!

— Через банщицу. К нему отправят посыльного, и тот скажет, что мы с тобой в бане. Надеюсь, Стёпа тебя не забыл.

- Пусть только попробует!
- И вот о чём я подумала, вино кончается, не заказать ли ещё?
- Заказать! — лицо Татьяны выражало восторг.
- Или лучше коньяк?
- Мара — ты гений!

Татьяна зачерпнула ладонью воду и взметнула руку вверх. Полетели брызги на статую.

На столе появились рюмочки, графинчик с коньяком и вазочка с нежными плодами инжира.

Татьяна, сев в кресло, посмотрела на вазочку.

- Не знала, что инжир подходит к коньяку.
- Не ко всякому, — Мария взяла графинчик и стала наполнять рюмки. — Этот коньяк сочетается со вкусом инжира, у него букет ванильных тонов, и такой букет даёт Чингури, это сорт винограда.

— Мудрено! А как называется коньяк?

— «Очень старый».

— Правда, так и называется?

— Так и называется. Наш коньяк двенадцатилетней выдержки.

— Ого!

Мария поставила графинчик.

— Я тебе не рассказывала, мой отец был знаком с создателем грузинских коньяков Давидом Сараджишвили. Вот кого Бог отметил.

— Постой, ты сказала — Давид? Я знаю Вану Сараджишвили, нашего грузинского соловья.

— Вану знают все, Давида — мало кто. Он первым стал производить в России отечественные коньяки. А построить завод помог ему мой отец.

— Что ты говоришь?!

— Отец по долгу службы курировал различные российские общества, в том числе и общество плодоводства. Там он и познакомился с Давидом.

Татьяна подняла рюмку.

— Спешу попробовать коньяк.

Взяв инжир, подняла рюмку и Мария.

— Будем здоровы.

Выпила Татьяна, и, откусив инжир, выпила Мария. Татьяна поставила рюмку.

— Слушай, я не почувствовала крепости.

— В этом и ценность. А до головы, подожди, дойдёт.

— Ой-ой! — Татьяна взяла инжир, откусила. — Ты права, Мара, вкусы сочетаются.

Мария засмеялась.

— Не так. Сначала разжёвывается инжир и только потом отпивается коньяк. Во рту инжир пропитывается коньяком, и лишь после этого можно ощутить вкус в полной мере.

— Мара, тебя срочно нужно везти в «Бродячую собаку»!

— Я не пишу стихов.

— Твой коньячный спич — чистая поэзия.

— Оставь, — Мария снова взялась за графинчик. — Что ты там хотела рассказать про «Бродячую собаку»?

— Не рассказать, а обрисовать, я же в первую очередь художница.

— Обрисовывай, а я плесну себе ещё коньяка. Буду смаковать.

— Плесни и мне.

— Пожалуйста, — Мария наполнила рюмки.

Татьяна тотчас же выпила.

— Нет, честно, коньяк хороший, — поставив рюмку, она заговорила голосом сказительницы. — Наш подвал раньше был винным погребом. Погреб пустовал, поэтому его легко отдали поэтам. Спускаешься по ступеням, а их ровно четырнадцать, и видишь бронзовый барельеф собаки с колокольчиком на шее. Рядом красуется театральная маска, на которой лежит лапа собаки. Переступаешь порог и замираешь от росписи. В глаза бросаются фантастические цветы, которые тянутся по стенам и заканчиваются на потолке огромными завитками. Между цветами нарисованы женщины, дети, птицы. Все в причудливых позах. Необычен и цвет. Такое нарочито-яркое смешение красного и зелёного. Энергию добавляет кумачовый занавес на сцене, — Татьяна перевела дыхание. — У стен стоят диваны, у одной стены красуется камин, вылитый мефистофелевский очаг. Но главной достопримечательностью «Бродячей собаки» является люстра. Она сделана из деревянного обода, держится на четырех цепях и светит тринадцатью свечами-лампами. — Татьяна, запнувшись, виновато глянула на Марию. — Извини, увлеклась.

— Не извиняйся. Я, например, с удовольствием читаю описание интерьеров у Бальзака.

— За Бальзаком не угонюсь, но хочу сказать ещё пару слов о люстре. На открытии кабачка актриса Ольга Высотская забросила на обод свою длинную белую перчатку. Каждый тогда дурачился. Перчатка так художественно повисла, что её решили не снимать. Предложил Коля Сапунов, именно он изготовил люстру, — Татьяна покачала головой. — Способным был художником.

— Был?

— Утонул во время лодочной прогулки.

Мария вздохнула.

— От судьбы не убежишь.

— Согласна. Жаль только, что судьба оказалась неразборчивой. Забрала молодого и талантливого.

— Не нам судить.

— Хотела бы я видеть этих судей.

— Ещё увидишь. — Мария отпила коньяк. — А скажи, сколько человек вмещает ваш подвал?

— Около восьмидесяти, но чаще набивается больше.

— Все свои?

— Все одной крови, если вспомнить Киплинга. Но завсегдаудаев куда меньше.

— Могу кого-то знать?

— Ахматову вот знаешь.

— Только слышала.

— Давай я назову самых-самых, а ты скажешь, если тебе кто-то знаком.

— Хорошо.

Татьяна поправила сползшую с плеча простыню.

— Поэт Николай Гумилёв?

— Не знаю.

— Поэт Игорь Северянин?

— Дальше.

— Поэт Велимир Хлебников?

— Не слышала, но имя редкое.

— Вообще-то звать его Виктором, а Велимиром он назвал себя сам. Мария опустила рюмку.

— Давай поступим так, ты просто перечисляй, а я тебя остановлю.

— Договорились, — Татьяна сосредоточилась. — Осип Мандельштам, Михаил Кузмин, Саша Чёрный, Николай Евреинов, Давид Бурлюк, Василий Каменский, Михаил Фокин.

— Стоп! Фокин — балетмейстер?

— Балетмейстер.

— В Мариинском театре смотрели со Степаном его «Египетские ночи». Увидела тогда и Павлову, и Карсавину, и Нежинского.

Татьяна хмыкнула.

— Мне бы такого мужа, который возит жену по театрам.

— Театр — не главное. В Петербурге меня больше интересует мода — тенденции, новинки.

— Высматриваешь на Невском?

— На Невском долго не пробудешь. Знакомлюсь с новинками в модных домах. У меня есть знакомые и в доме Бризак, и в доме Анны Гиндус, и в ателье Иды Лидваль. А в последний наш приезд Степан заключил договор на поставку материала с представителями торгового общества «Эсдерс и Схефальс».

— Как «Эсде...»? Язык сломаешь.

Мария улыбнулась.

— Скорее сломаешь язык о ваши футуристические словечки.

Татьяна расхохоталась.

— Это точно!

Мария, пригубив рюмку, отпила коньяк.

— Скажи, был ли в «Бродячей собаке» Александр Блок?

— Увы, не было, хотя ему приглашения шлют регулярно, — Татьяна вдруг оживилась. — Зато был Максим Горький!

— Даже?

— Приходил послушать футуристов и в конце вечера сказал, что в этих поэтах что-то есть. Его фразу потом растиражировали газеты.

— А Блок, значит, признавать вас не желает.

— Нельзя так говорить. У Блока иной взгляд на жизнь.

— Интересно, какой?

— Вот, к примеру: *«Как тяжело ходить среди людей и притворяться не погибшим. / И об игре трагических страстей повествовать ещё не живишим»*. У нас веселье, а у него: *«Бессмысленный и тусклый свет»*.

— Но у Блока есть и «Незнакомка», и «Стихи о Прекрасной Даме», и «В ресторане», наконец.

— Вот! Блок завсегда! «Виллы Роде»!

— «Вилла Роде» — ресторан?

— Загородный. И, скажу тебе, роскошный. Скрипки, цыгане! Именно этот ресторан вдохновил Блока написать «В ресторане».

— Тебе он нравится?

— Ресторан или Блок?

— Конечно, Блок.

Татьяна приободрилась.

— Никому не рассказывала, говорю тебе первой. В прошлом году я нос к носу столкнулась с Блоком в театральном фойе. На мне было чёрное шифоновое платье с золотыми точками — шила его ты.

— Помню.

— Блок увидел меня и замер. Потом прошептал в самое ухо: «Тёмная весенняя ночь». Ты не представляешь, как забилося моё сердце! Я отпрянула, а он смотрит мне в глаза и говорит: «Вы очаровательны, жду вас после спектакля у дамской комнаты». Сказал и пошёл. Я стою — ни жива, ни мертва. Когда пришла в себя, тут же сбежала из театра

— На тебя не похоже.

— Нет, Мара, похоже. Вот представь, отдалась бы я Блоку, а потом, раз, и влюбилась бы.

— Это плохо?

— Да он сразу бы меня забыл!

— Ты уверена?

— Уверена. Блок любит только свою жену, — Татьяна махнула рукой. — Другие женщины для него — незнакомки.

— Может быть, может быть, — Мария глянула на собеседницу через рюмку. — Я ведь тоже встречалась с Блоком.

Татьяна, опешив, вскрикнула:

— И молчала!

— В нашей встрече не было ничего особенного.

— Не томи, рассказывай!

— Пожалуйста, — Мария поставила рюмку. — Свадебное путешествие по Европе мы со Степаном закончили в Петербурге. На мне было платье из парижского салона Рафэн, а на Степане костюм, купленный в модном доме Поля Пуаре, — Мария сделала паузу. — К чему я это. На Невском проспекте Степан увидел фотоателье и решил запечатлеть нас в таком вот модном виде. Мы вошли. Как раз закончила фотографироваться пара. Женщина заинтересовалась моим платьем. Разговорились. Имя женщины Любовь, мужчины — Александр. Это была чета Блоков.

— Ух, ты! А фамилия фотографа не Наппельбаум?

— Наппельбаум. Моисей Соломонович.

Татьяна воскликнула:

— Это самый востребованный фотограф Петербурга!

— Не спорю, раз сами Блоки у него фотографируются.

Татьяна не отрывала от Марии глаз.

— Дальше, дальше что?!

— Степана ты знаешь, он любитель пофорсить. Сказал, что я обшиваю весь тифлисский свет. Моисей Соломонович тут же организовал чай, а у меня в сумочке были французские духи «Розин», очень редкие. Я подарила их Любви. В ответ Блок прислал нам в отель свои стихи с дарственной надписью. Сразу три книги.

— Мара, это не случайность, это тоже судьба!

— Неважно. Важны стихи. Пока мы ехали в Тифлис, я прочла книги, а некоторые стихи даже выучила.

— Твоей памяти можно позавидовать. Помню, как ты декламировала на древнегреческом языке отрывок из «Илиады».

— По просьбе твоей мамы.

— Я тогда возмущалась, мол, зачем нам учить этот архаичный язык. Зелёной была. Мария усмехнулась.

— А сейчас, значит, зрелая.

— Не говори так. Вот примчалась в Тифлис, и, знаешь, ради кого, ради подающего надежды поэта.

— Это кто же?

— Владимир Маяковский. Слышала о таком?

— К твоему удивлению, слышала.

— Правда?!

— Слышала от Степана.

— Что именно?

— Степан прочёл в столичном «Огоньке» о спектакле «Владимир Маяковский».

Писали, что это нечто новое, небывалое, а о самом Маяковском говорилось, что он был неотразим.

— Мара! Так и есть! Я видела этот спектакль, вернее, трагедию. — Татьяна схватилась за графинчик. — Можно налить?

— Пей хоть всё. Степан пришлёт за нами машину.

— Да?!

— Не сомневаюсь.

— Нет, мне нельзя напиваться! Выпью только рюмочку.

— Как знаешь.

Татьяна наполнила рюмку и залпом выпила. Мария протянула ей сыр.

— Не хочешь пьянеть, закусывай.

— Спасибо, — Татьяна, взяв сыр, отправила в рот всю дольку.

— Не подавись.

— Угу, — прожевав сыр, Татьяна сказала. — Спектакль, кстати, видел и Блок. Раньше на этой же сцене шёл его «Балаганчик», поставил Мейерхольд.

— Мейерхольд?

— Ты о нём слышала?

— Не только слышала, но и видела.

— Неужели?!

— Он ставил спектакли в Тифлисе.

— Ух, ты!

— Мне как раз исполнилось двадцать. На один его спектакль я ходила с подругой.

— Не помнишь название?

— Хорошо помню. «Смерть Тентажиля» Метерлинка. У меня и программка осталась.

— Даже?

— Спектакль отличался от всех, какие я видела раньше, поэтому и запомнила.

— Мара! Мара! У меня нет слов!

— Хватит восторгов, ты сказала, что приехала в Тифлис ради Маяковского. И что?

Татьяна выдержала паузу.

— И он приезжает в Тифлис!

— Всё поняла. — Мария облегчённо вздохнула. — Ты собираешься обвенчаться с Маяковским, и тебе нужно венчальное платье.

— Ах, Мара! Мара! — Татьяна, упёршись рукой в подлокотник кресла, резко встала. — Надо быть безрассудной, чтобы выйти замуж за этого позёра!

— Разве ты не безрассудна?

— Не до такой степени.

— А скажи, Маяковский — это псевдоним?

— Нет. Настоящая фамилия.

— Звучная.

— И сам он звучный! Ещё услышишь!

— Упаси Бог.

— Маяковский приезжает не один, он приезжает с друзьями. Я их уже называла. Это Давид Бурлюк и Василий Каменский.

— Зачем они приезжают?

— Ради великого дела.

— Ну, интриганка.

Татьяна приняла гордый вид.

— Они приезжают пропагандировать футуризм!

— Футуризм?! — Мария не сдержала смех. — Да о нём здесь никто не слышал.

— Вот именно! О том, что Земля вращается вокруг Солнца, тоже никто не слышал — в своё время. Футуризм — это будущее поэзии, и вообще — жизни.

— Танечка, я не собираюсь спорить. Просто объясни мне, как футуризм можно пропагандировать.

— С помощью докладов и стихов.

— Но кто их будет слушать?

— Люди! Троица уже объехала больше десятка городов. В Харькове и Одессе я была с друзьями и своими глазами видела реакцию. Публика принимала поэтов с восторгом.

— Где принимала, на улице?

— И на улице — тоже, а так — в клубах, в кафе.

Мария сыронизировала:

— Представляю чтение доклада о футуризме в каком-нибудь духане.

— Не в духане, Мара, в оперном театре!

— В оперном?! — Мария прыснула. — В оперном театре футуризм не пропагандируют.

— Знаю, но всё когда-то происходит впервые. И я прошу твоей помощи.

— В чём?

— Тебе знаком директор театра, поговори с ним.

— С ума сошла! Он меня высмеет.

— Я буду с тобой и всё ему объясню.

— Что объяснишь?

— Всё!

— Ах, Таня, Таня, — Мария механически потянулась за графином, — ставишь меня в неловкое положение.

— Ты только представь меня, а дальше я сама.

В глазах Марии появилась хитринка.

— Гурам Лаврентьевич, кстати, ловелас.

— Вот!

Мария, покрутив графинчик, вздохнула.

— Так и быть, сведу вас.

— Браво!

— Рано радуешься.

Татьяна кивнула на коньяк.

— Наливай!

Мария наполнила рюмки и, поставив графинчик, перекрестилась: «Прости, Господи».

Татьяну было не узнать. Одета в ярко зелёное платье с серебряными блёстками, она спрыгнула с подножки трамвая, пронеслась через здание вокзала и выбежала на перрон. Глянув на вокзальные часы, Татьяна смахнула со лба пот и облегчённо вздохнула. До прибытия поезда оставалось пять минут.

Первый путь был свободен, на втором одиноко пыхтел паровоз.

Татьяна боялась паровозов, боялась их огромных колёс, и бояться стала ещё в юности, когда прочла «Анну Каренину». Её воображение рисовало рельсы, разрезанную пополам Анну и забрызганные кровью колёса.

Татьяна в ужасе сжималась и, стараясь изгнать страшное видение, мысленно рисовала облако и сидевшую на нём целёхонькую Анну.

Из задумчивости её вывел голос Степана: «Ты куда запропастилась?»

Татьяна обернулась.

— Я ждала тебя, ждала...

Степан перебил.

— Не там, скорей всего, ждала. Мы где договаривались встретиться?

Татьяна на секунду задумалась и хлопнула себя по лбу.

— Я дура, извини.

— Да уж, — Степан махнул рукой. — Главное, успели.

Татьяна спохватилась.

— Ты заказал машину?

— Спрашиваешь! Стоит у вокзала.

— Спасибо дружок, возьми с полки пирожок.

Степан хмыкнул.

— Больше так не напивайся.

— Я — на радостях!

Послышался паровозный гудок. Вдали показался поезд.

Степан достал из кармана мятную конфетку.

— Держи, а я к машине.

— Далеко стоит?

— От входа — справа, увидишь.

Татьяна взяла конфетку.

— Благодарю.

Обходя встречающих, Степан зашагал к зданию вокзала.

Поезд медленно приближался.

Татьяна, сунув конфетку в висевшую на плече сумочку перламутрового цвета, двинулась навстречу изрыгавшему струи пара чудовищу. Идя по перрону, читательница «Анны Карениной» держалась подальше от рельсов.

Мимо экстравагантной женщины проплыл первый вагон, второй, третий...

Фуруристы ехали в седьмом вагоне. Татьяна угадала: седьмой вагон остановился рядом с ней.

Проводник открыл дверь, и в полумраке тамбура вырисовались трое мужчин во фраках и цилиндрах. Первым ступил на перрон тридцатидвухлетний Давид Бурлюк, за ним — тридцатилетний Василий Каменский, и, наконец, чинно вышел из вагона самый молодой из троих двадцатиоднолетний Владимир Маяковский.

Татьяна, расталкивая встречающих, бросилась к друзьям.

— Вы чего вырядились?!

Ответил Давид.

— А ты хотела увидеть нас разрисованными, и чтоб сразу все упали в обморок?

Эстафету перехватил Василий.

— Разве мы приехали не в Кавказский Париж?

Не полез за словом в карман и Маяковский:

— Мы ведь не спрашиваем, зачем ты надела лягушачье платье?

Татьяна махнула рукой и бросилась обниматься с друзьями: с одним, с другим, с третьим. Маяковского даже расцеловала.

— Где ваши чемоданы?

Давид показал в конец поезда.

— В багажном вагоне, устроимся, заберём.

Татьяна воскликнула:

— Устраивать вас буду я! За мной!

Четвёрка, сопровождаемая любопытными взглядами, двинулись к зданию вокзала.

В толпе кто-то произнёс: «Фокусники приехали».

Маяковский обернулся: «Верно. А девушку в лягушачьем платье мы будем распиливать».

Тот же голос спросил:

— Где выступаете?

Маяковский собрался ответить, но его опередила Татьяна.

— Выступаем в оперном театре. Завтра. Подробности в афишах.

Мужчины скромно промолчали, однако когда четвёрка вошла в здание, Давид выразил общее мнение.

— Я знал, Танечка, что ты фантазёрка, однако сейчас ты превзошла самого Герберта Уэллса.

Татьяна остановилась, вынула из сумочки конфету и сунула её Бурлюку.

— Разделите на троих.

Давид взял конфету.

— Это что за фокус?

Татьяна окинула мужчин строгим взглядом.

— Вы собирались распилить меня, больше так не шутите! — все трое будто воды в рот набрали. Выдержав паузу, Татьяна отчеканила. — Выступаете завтра! В оперном театре! Афиши расклеили его работники!

Теперь все трое словно проглотили аршин. Первым пришёл в себя Маяковский.

— Так она Царевна-лягушка!

Джентльмены как по команде сняли цилиндры и учтиво поклонились утопавшей в зелёном облаке героине.

Мария, услышав шум мотора, подошла к окну и сквозь игравшую перламутром кисейную занавеску увидела остановившийся у тротуара кадиллак.

Степану понравилась эта роскошная новинка 1912 года выпуска, которую он не раз арендовал в Тифлисском акционерном автомобильном обществе, где Правление возглавлял приятель Степана Альфред Мадлер, брат известного производителя экипажей Рихарда Мадлера.

Первым вышел из автомобиля Степан. Открыв заднюю дверцу, он протянул руку Татьяне, но она, бросив ему: «Я вам не маркиза», сама спрыгнула на бульжную мостовую. Мужчины воспользовались второй дверцей. Пока они выходили, Татьяна обошла залитый солнцем капот и, забежав вперёд, повела компанию к дому.

Мария про себя отметила: фраки так не носят. И подумала: правильно сделала, что отправила детей, сестру и брата к приятельнице — мало ли что.

Отойдя от окна, Мария перекрестилась и, спустившись со второго этажа в гостиную, окликнула горничную.

— Дарико.

Из боковой комнаты вышла молоденькая черноволосая девушка в длинной чёрной юбке и в белой с напускными рукавами блузе.

— Слушаю вас, Мария Давидовна.

— Гости на подходе, встречай.

Девушка, кивнув, направилась к двери.

Знакомство прошло по всем правилам великосветского этикета. Церемониймейстером выступила Татьяна. Представив хозяйку, она назвала имена мужчин, после чего каждый из них поцеловал руку княжне, и следом на Марию посыпались похвалы.

Добиться выступления каких-то там провозвестников будущего в известном на всю Европу театре оперы и балета, где слушал свои оперы Чайковский, концертировал Рахманинов, оставил восторженные отзывы Лев Толстой, а от роскошного зала театра был без ума сам Александр Дюма — в это нельзя было поверить!

Мария хотела поправить поэтов, но перебивать мужчин ей не позволяло воспитание.

Здание, которое восхищало Дюма, полностью сгорело. Правда, новый театр выглядел не хуже старого. На его строительство, Мария знала от отца, было потрачено семьсот пятьдесят тысяч рублей золотом. Большую часть этой суммы выделила государственная казна, поэтому новый оперный театр чаще называли Казённым.

Коленопреклонённые речи затягивались, и Марии стало неловко. К тому же согласие директора театра на предоставление зала футуристам оказалось делом не хлопотным. Наслышанный о современной поэзии Гурам Лаврентьевич удивлён не был, и после того, как Татьяна ознакомила его с программой выступления, легко дал добро на проведение вечера. Оставалось утвердить программу в муниципалитете, но и там всё прошло гладко.

Окрылённая успехом Татьяна, взяв за основу программу выступления, написала для афиши текст и старательно его вырисовала. Афиши напечатали в типографии «Тифлисского листка» на средства Степана, а служба театра незамедлительно их расклеила. И уже ранним утром прохожие могли увидеть на городских тумбах косые буквы, резко контрастирующие с ровным шрифтом репертуарной афиши театра, оповещавшей о премьере оперы Доницетти «Фаворитка», намеченной на день позже.

Мужчины, наконец, сделали паузу, и Мария во избежание новых дифирамбов переключила внимание поэтов на горничную.

— Эту милую девушку звать Дариико, она покажет вам приготовленные для вас комнаты. Располагайтесь, отдыхайте и потом за стол.

Дариико почтительно поклонилась и повела гостей на второй этаж.

Мария перевела взгляд на Татьяну.

— Где потеряли Степана?

— Поехал на вокзал за вещами.

— Их так много?

— Три чемодана, но наши джентльмены решили почему-то сдать их в багаж.

— Что ж, подождём.

Мария села на диван. Татьяна примостилась рядом и заговорщически произнесла:

— Ты видела, как Маяковский посмотрел на Дариико?

Мария пожала плечами.

— Обычный мужской взгляд.

— Именно — мужской. Предупреди это милое создание, чтобы не верила Маяковскому ни на йоту.

Мария засмеялась.

— Ты всё же равнодушна к Маяковскому.

— Да, Мара, скрывать не буду, равнодушна. — Татьяна сдвинула набок мешавшую ей сумочку. — Мотаюсь за ним повсюду, а он на меня ноль внимания.

— Извини, Танечка, быть может, мотаться как раз не надо.

— Недотрогу из себя я уже строила.

Мария снова не сдержала смех.

— Хотела бы увидеть — каким образом.

— Ты вот смеёшься, а мне не до смеха. Хоть бы раз Маяковский посмотрел на меня так, как посмотрел на Дарико.

— Танечка, послушай меня, — Мария приняла серьёзный вид. — Владимир молод, жениться, понятно, не собирается, а использовать тебя как уличную девку ему, скорей всего, не позволяет воспитание.

— Ах, если бы так! Он просто не видит во мне женщину.

Мария возразила:

— В тебе невозможно не увидеть женщину.

— Мара, не успокаивай меня, просто предупреди Дарико и всё.

— За неё не беспокойся, своим целомудрием она дорожит.

— Ты не знаешь Маяковского, он пообещает этой дурочке, что возьмёт её в жёны.

— Дарико не дурочка, и говорить с ней на подобные темы я не собираюсь.

— Тогда разреши поговорить мне.

Наверху показалась Дарико.

— Извините, Мария Давидовна, я слышала конец вашего разговора. И скажу прямо, никому из мужчин я и пальцем не позволю к себе дотронуться. В том числе и Владимиру Владимировичу.

Татьяна не растерялась.

— Это похвально. Одно меня смущает, как быстро мы узнали отчество Маяковского.

— Сразу спросила, и не только у него. Но их ответ меня рассмешил.

Татьяна воскликнула:

— Как рассмешил?!

— Гости назвались Василием Васильевичем, Давидом Давидовичем и Владимиром Владимировичем — это правда?

Татьяна сама рассмеялась.

— Правда, правда.

Улыбнулась и Мария.

— Блок, если вам угодно, Александр Александрович, — встав с дивана, она махнула Дарико. — Степана ждать не будем, иди в столовую и начинай сервировать стол.

Дарико, придерживая юбку, стала спускаться с лестницы. Сойдя с последней ступеньки, спросила:

— Какой сервиз брать?

— Думаю, на шесть персон, — Мария вопросительно глянула на Татьяну. — Больше никого не предвидится?

— Сегодня нет, а вот завтра!

— Завтра не моя забота.

— Как? — в голосе Татьяны проскочила смешинка. — Отдашь ресторан на разграбление?

— Почему на разграбление?

— Степан, ты сама слышала, заявил, что отдаёт свою «Трембиту» на разграбление.

Мария усмехнулась:

— Степан мастер бросаться словами, но уверена, никакого разграбления не будет.

У футуристов вряд ли найдутся поклонники.

— Ошибаешься!

— И даже станут покупать билеты?

— Мара! Ты не знаешь передовую молодёжь.

— Она у нас сесть?

— Есть! И зал будет трещать по швам!

Мария усмехнулась.

— В зале тысяча мест.

— Хоть десять тысяч!

Мария отмахнулась.

— Не морочь голову.

Татьяна неожиданно вскрикнула:

— Вспомнила! Мне нужно другое платье.

Мария бросила на Татьяну недоумённый взгляд.

— Чем тебя не устраивает это?

— Маяковский назвал его «лягушачьим».

— И ты поверила.

— Оставь, Мара!

— Молчу. Но где сейчас взять другое платье?

— Я видела у тебя в мастерской, — Татьяна вскочила с дивана. — Такое жёлто-оранжевое! На манекене!

— Красивое платье, но оно для показа.

— Что это значит?

— У платья слабые швы.

— А если двигаться осторожно?

Мария махнула рукой.

— Пойдём.

Обе направились к двери. Внезапно услышали голос Маяковского, окликнувшего всё ещё находившуюся в гостиной Дарико. Татьяна напряглась и краем глаза увидела, как зардевшаяся девушка бросилась к лестнице.

Застолье продолжалось и продолжалось, хотя, казалось, были произнесены уже все тосты и, казалось, было уже всё проговорено, ан нет, то вспомнит что-то Каменский, то вбросит запальчивое слово Маяковский, то всплывёт невысказанная мысль у Бурлюка, да и Степан не отмалчивался. Нашёл общую тему с Каменским, бывшим авиатором. Оба хорошо знали Уточкина, считавшегося не только великим велогонщиком, но и великим авиатором.

А началось застолье с кавказского возгласа: «Вах! Вах! Вах!». Воскликнул родившийся в Грузии Маяковский, который без труда мог отличить один накрытый стол от другого.

И замерли на пороге околдованные запахами трав и солений Бурлюк с Каменским. Придя в себя, они в один голос попросили хозяйку ознакомить их с выставленными на столе блюдами. Мария согласилась.

Сначала она называла блюдо, потом, сделав паузу, представляла его:

— «Чакапули» — ягнёнок, тушёный в белом вине с эстрагоном и ткемали.

«Чахохбили» — кушанье из фазана, фазан по-грузински — «хохоби».

«Сациви» — жирная курица, приготовленная в соусе из грецких орехов, специй и винного уксуса.

«Пхали» — паштет из молотой зелени, орехов и пряностей.

«Аджапсандали» — блюдо из баклажанов, помидоров, лука, болгарского перца и пряностей.

«Лори» — деревенская ветчина горячего копчения из региона Рача.

«Лобио» — фасоль с луком, чесноком и толчёными орехами.

Сыры: сулугуни, гебжалия, надуги и овечий сыр от горцев — гуда.

Остановилась Мария на лечхумском хачапури в тандыре.

— Думаю, хватит. Соловья баснями не кормят. Однако не бывает грузинского стола без хорошего тамады. И такой тамада есть, это мой муж.

Гости одобрительно закивали головами.

Степан встал и, взявшись за изогнутую ручку высокого кувшина, разлил вино по керамическим чашкам. Подняв свою, произнёс:

— Хорошим тамадой считается тот тамада, который хорошо спит ночью, а спит он хорошо, потому что не забыл ни одного тоста. У грузин их не счесть, — Степан обвёл глазами притихших гостей. — Но основных грузинских тостов сто пятьдесят. Первый, и он же самый древний, я услышал от жены. Вот этот тост, — тамада сделал многозначительную паузу. — В давние, давние времена, когда ещё не было ни царств ни государств, Господь решил раздать народам земли по своему усмотрению. В назначенное время народы пришли к Господу и получили свой надел, не пришли только грузины. Явились они на следующий день и, встав перед Господом, спросили: «Где земля грузин?» Господь сказал, что земли для грузин не осталось, и поинтересовался, почему они не пришли вчера. Грузины ответили, что вчера у них было застолье, и пили они за величие Господа. Господь призадумался и сказал: «Раз так, отдам вам кусочек рая». С этих пор грузины живут в раю, — Степан взметнул кружку вверх. — Так выпьем же за величие Господа!

Все дружно выпили и дружно принялись за еду.

Дарико, обходя стол, подавала гостям блюда, до которых они не могли дотянуться. Нарушил молчание Бурлюк.

— Прошу у тамады прощения, но вряд ли мы сегодня пройдем все тосты, — поэт опустил глаза. — Винюсь ещё раз, меня как творческого человека интересует именно заключительный, сто пятидесятый тост. Нельзя ли раскрыть его содержание?

Ответила Мария.

— Гости пьют за грузинский стол. А грузинский стол, это такой стол, когда между блюдами не остаётся места даже для монеты.

— Bravo! — воскликнул Бурлюк. — Я горд, что сижу за истинно грузинским столом.

Мария отрицательно повела головой.

— Это не конец тоста.

— Не конец?! — опять воскликнул Бурлюк. — Каюсь!

Мария продолжила:

— Время, проведённое за грузинским столом, в срок жизни не засчитывается, а значит, жизнь продлевается, — она улынулась. — Вот теперь всё, — Мария перевела взгляд на Степана. — За грузинский стол, кстати, можно и выпить.

Тамада наполнил чашки:

— Предлагаю выпить не только за грузинский стол, но и за поварской талант грузинской княжны.

Посыпались похвалы. Мария поблагодарила гостей и в дальнейшем больше молчала.

Зато внимательно слушала разговорившихся после выпитого вина поэтов. Из их разговоров вытекало, что старый классический мир панически отступает под натиском мира будущего, первопроходцами которого футуристы называли себя. Издав альманах «Садок судей», они утверждали, что этот сборник докладов и стихов заложил литературный фундамент будущего.

Мария относилась к высказываниям поэтов спокойно, ибо не сомневалась, что всё новое, в конце концов, становится старым, плевелы отсеиваются, остаются зёрна. Пустят ли корни в этом «садке судей» вечнозелёные деревца, покажет время, но сейчас, слушая перепалки футуристов, Мария видела в этих разгорячённых вином молодых людях не столько желание установить истину, сколько желание победить

в споре. Да и сам предмет спора казался ей мелкой лужицей, где истина могла лишь промочить ноги.

От смутных мыслей Марию отвлекла очередная схватка поэтов. Маяковский доказывал Бурлюку, что опера «Победа над Солнцем» несколько не футуристическая. Декорации и костюмы Малевича скорее клоунские, чем «будетлянские», музыка Матюшина — чистый импрессионизм, а в стихах Кручёных мало зауми. Банальным считал он и финал оперы. «Чёрный Квадрат» самым примитивным образом накрывал «Солнечный Круг». А ведь «Солнце», напирал Маяковский, в первую очередь символизирует силлабо-тоническую систему стихосложения, которую начисто отвергает футуризм. «Солнце» надо не затенять, а жёстко гасить. Пушкинским напевам не место в поэзии будущего.

Внезапно взяла сторону Бурлюка молчавшая до этих пор Татьяна. Она решительно заявила, что если говорить о футуризме как о сформировавшемся течении, то «Победа над Солнцем» идёт первой в его фарватере, а вот трагедию «Владимир Маяковский» не видно даже в арьергарде. Доказательств воспылавшая женщина предъявлять не стала, бросив только, что если Маяковский с ней не согласен, она готова привести доказательства ему лично.

Мария сразу догадалась, что дело не в опере с трагедией, Татьяну подтолкнула вступить в спор надежда на уединение с Маяковским, а ещё она досадила ему за его новую колкость, касающуюся уже жёлто-оранжевого платья.

Татьяна помнила, что швы на платье слабые, и подошла к столу семенящим шагом. Маяковский тут же хохотнул: «Лягушка-царевна превратилась в мадам Баттерфляй».

Засмеялись Бурлюк с Каменским, и хихикнула Дарико. Хихиканье девчонки было обидней всего, ибо воспитанница института благородных девиц не могла не знать, что мадам Баттерфляй есть жестоко обманутая женщина, а повторить судьбу несчастной гейши Татьяна не желала.

Маяковский после атаки на его детище принял позу Зевса и собрался метнуть в Татьяну все громы и молнии. Степан, увидев его грозное лицо, быстро поднял бокал и громко произнёс:

— Предлагаю выпить за автора постановки «Владимир Маяковский», которая без сомнения пронесётся сквозь тоннель времени и будет регулярно ставиться на сцене, в том числе и в честь тысячелетних юбилеев гения.

Первым расхохотался Маяковский, за ним Бурлюк и Каменский. Но гост они поддержали и чашки опорожили, включая взбунтовавшуюся Татьяну.

Окончательно разрядил обстановку Каменский.

Развернувшись к Степану с Марией, он сказал, что именно Маяковский смог уговорить Горького прийти в «Бродячую собаку». После чего одобрённая светилом новая поэзия получила право на существование.

Не остался в долгу и Маяковский.

Также обращаясь к хозяевам, он заявил, что Каменский не только незаурядный поэт, но и самый чтимый в культурной среде человек. Будучи редактором альманаха «Весна», Каменский открыл миру талантливых литераторов, в том числе истинного будетлянина Велимира Хлебникова. И важно знать, как это произошло. А произошло это поздним вечером. Каменский уже запирали дверь редакции и вдруг увидел переминавшегося с ноги на ногу молодого человека, походившего на попрошайку. Он спросил, что тому угодно, в ответ молодой человек робко сунул редактору мятую тетрадь. Каменский вернулся в кабинет вместе с вечерним посетителем и прочёл тетрадь от начала до конца. А уже в следующем номере рассказ из этой тетрадки был

напечатан. Мало того, Каменский не поскупился на гонорар, выплатив автору рассказа под названием «Искушение грешника» целых двадцать целковых.

Тамада предложил немедленно выпить за выдающегося редактора. Но лишь он взялся за кувшин, как стоявшие в углу напольные часы пробили час ночи, и следом раздался крик. Ошеломлённые гости вскочили.

Оказалось, Дарико, готовя чай, ошпарила руку кипятком. За дело взялась Мария. Достав из шкафчика маленькую баночку, она смазала ожог желтоватой жидкостью и наложила на руку повязку.

За стол больше не садились.

Мария на выступление футуристов не пошла, не пошла она и на пирушку в ресторан Степана. Поднялась температура у старшенького сына Володика.

О вечере в Казённом театре рассказала ей подгулявшая Татьяна.

Явившись рано утром, она ещё в дверях крикнула: «Ты была не права!»

Представление, с её слов, прошло при полном аншлаге, и прошло великолепно. А после «поззоконцерта» троица футуристов, сопровождаемая весёлой компанией, прогулялась по Головинскому проспекту. Впереди вышагивал Маяковский, за ним — Каменский и Бурлюк. Все трое были в цилиндрах, в жёлтых кофтах с прикрепленными к ним пучками редиски и с разрисованными лицами. Прохожие спешно уступали дорогу и ещё долго оглядывались на это чудаковатое шествие.

До отказа набились и в ресторан Степана, от чего хозяин только выиграл.

Татьяна, услышав от пьяненького корреспондента «Тифлисского листка», что в завтрашнем выпуске будет в срочном порядке опубликован скандальный материал о футуристах, прямо из ресторана помчалась в типографию и выпросила у печатника ещё не высохшую от краски газету. С ней и прибежала к Марии.

Плюхнувшись на диван, она залихватски прочла отмеченную в новостной статье выдержку:

— ... Верзила Маяковский, в жёлтой кофте, размахивая кулаками, зычным голосом «гения» убеждал молодёжную аудиторию, что он подстрижёт под гребенку весь мир, и в доказательство читал свою поэзию: «парикмахер, причешите мне уши». Очевидно, длинные уши ему мешают. Другой «поэт-авиатор» Василий Каменский, с аэропланом на лбу, кончив своё «пророчество о будущем», заявил, что готов «танцевать танго с коровами», лишь бы вызвать «бычачью ревность». Для чего это нужно — курчавый «гений» не объяснил, хотя и обозвал доверчивых слушателей «комольми меццанами, утюгами и вообще скотопромышленниками». Но «рекорд достижений футуризма» поставил третий размалёванный «гений» Бурлюк, когда, показав воистину «туманные» картины футуристов, дошёл до точки, воспев в стихах писсуары!!! Надо же было додуматься до подобного «вдохновенья». О, конечно, успех у футуристов был громадный, невиданный, похожий на «великое событие» в наши скучные дни, но этот успех оглуляет молодёжь, которой очень нравится, что футуристы смело плюют на признанных всем миром настоящих жрецов алтаря искусства. Однако «провозвестникам будущего» мало было театра, они ещё разгуливали по Головинскому проспекту в своих жёлтых облаченьях, собирая уличные толпы и тем мешая пешеходному движению. — Татьяна оторвала от газеты глаза. — Каков фрукт, а!

Мария, не став ничего говорить, подошла к окну и, раздвинув шторы, приоткрыла раму. В комнату потёк благоухавший магнолиями воздух.

Троица вместе с Татьяной уехала на следующий день. Исчезла и Дарико. Пошла к лекарю показать ожог и пропала.

Татьяна вернулась в Тифлис уже состоявшейся поэтессой. Вернулась через три года, убежав от войны и большевиков.

И опять она побывала с Марией в серных банях, и опять распила с ней «Очень старый» коньяк, но распила уже без энтузиазма.

Её страсть к Маяковскому остыла, «Бродячей собаки» больше не было, а Дарику постигла участь мадам Баттерфляй. Какое-то время она была с Маяковским, потом прошёл слух, что её извлекли мёртвой из Невы.

Мария, выслушав Татьяну, лишь вздохнула: чему быть, того не миновать. У неё за это время родился мальчик, но вскоре умер от брюшного тифа. Тиф забрал и её маму. От бравурного вечера в сундуке Марии сохранилась афиша.

АБЕСАЛОМ И ЭТЕРИ

Мария отступила от манекена, скрупулёзно осмотрела готовый фрак, сшитый по последней моде и, не найдя изъянов, перевела глаза на старинные часы с кукушкой, приобретённые Степаном специально для её швейной мастерской в немецкой земле Шварцвальд, родине кукушечных часов.

Заказчик, дирижёр Тифлисского театра оперы и балета Самуил Александрович Столерман, задерживался всего на десять минут, однако у Марии тревожно забилось сердце. Она не забыла, как при первой встрече дирижёр весело изрёк, что точность, это вежливость королей, и если король не явился вовремя, значит, король умер.

До сего дня Самуил Александрович приходил минута в минуту. Заказом он дорожил, примерки не пропускал и даже сравнивал будущий фрак с шинелью известного героя Гоголя. Предстать в такой вот «шинели» дирижёр собирался в знаменательный для Грузии день, который с нетерпением ждала вся столичная публика.

Афиши на тумбах гласили:

«Тифлиссский театр оперы и балета приглашает на премьеру первой в музыкальной истории Грузии национальной оперы «Абесалом и Этери» композитора Захария Палиашвили.

Премьера состоится 21 февраля 1919 года.

В основу оперы положено средневековое грузинское сказание «Этериани», дополненное стихами Шоты Руставели и Ильи Чавчавадзе.

Либретто Петре Мирианшвили.

Дирижёр Самуил Столерман».

Да, именно он, сын бедного еврейского портного, взмахнёт палочкой и преподнесёт зрителям долгожданную грузинскую оперу.

Мария знала, что будущий дирижёр родился на окраине Российской империи в захудалой Кяхте. Услышав в детстве игру слепого скрипача, мальчик сам захотел научиться издавать волшебные звуки, и его первым учителем стал как раз слепой музыкант. Повзрослев, одарённый ученик дошёл пешком до Иркутска, где устроился работать в военный оркестр, а набравшись в нём опыта, рискнул отправиться в столицу и к своему удивлению легко поступил в Московскую консерваторию, покорив своим талантом самого Василия Сафонова, ректора консерватории. Получив профессию дирижёра, музыкант в короткий срок стал именоваться маэстро.

В столице Грузии Столерман оказался из-за болезненной жены, которой врачи рекомендовали южный климат. Знаменитость встретили с распростёртыми объятиями, и дирижёр не подвёл публику. Благодарный Тифлис забрасывал маэстро цветами.

С этими ли букетами приходил на примерку Самуил Александрович, Марию не интересовало, цветы она принимала с благодарностью.

Кукушка возвестила, что минула ровно половина часа от назначенного Столерману времени, а дисциплинированный заказчик всё не появлялся. Не выдержав неизвестности, Мария подозвала одну из мастериц и попросила её найти дирижёра, а разыскав, спросить, придёт ли он сегодня за фраком.

Конечно, подобный шаг считался нарушением этикета, но, увы, другого выхода не было.

Мастерица вернулась с мертвенным лицом. Самуил Александрович застрелил свою жену и сейчас арестован.

Мария оторопела. Столерман — убийца?! Не может быть! Ей казалось, что этот добродушный толстячок не способен обидеть и букашки.

Правда, весь Тифлис знал, что жена дирижёра закатывает мужу истерики, закатывает чуть ли не каждый день.

Ругань неслась из открытых окон. Открыты они были потому, что хозяйке всегда не хватало воздуха. Однако любопытных соседей не столько удивляли словесные помои жены, сколько удивляла выдержка мужа. Соседи роптали: будь на его месте другой мужчина, он немедля придушил бы эту драную кошку.

И злой рок сыграл им на руку.

Очередная истерика «драной кошки» застала Столермана за работой над партитурой оперы «Абесалом и Этери». Деля в ней пометки, он по привычке не обращал внимания на орущую жену. В отместку она подскочила к роялю, схватила ноты и стала рвать листы один за другим. Дирижёр, впад в ступор, не в силах был шевельнуться. Пришёл он в себя лишь тогда, когда обрывки единственного экземпляра партитуры полетели ему в лицо. Не говоря ни слова, Столерман направился к шкафчику, где хранился дарственный пистолет, достал его, зарядил и, взведя курок, приставил к своему виску. Вдруг услышал: «Стреляй! Избавлюсь, наконец, от тупого идиота!». Не владея собой, дирижёр отвёл пистолет в сторону и нажал на курок. Жена, вскрикнув, рухнула на рояль.

Произошло это на глазах у соседей, и уже через час весь Тифлис знал о случившемся.

В зале суда яблоку негде было упасть. Столерман признал свою вину и готов был к самой суровой каре.

За дирижёра вступились соседи, пропевшие хором, что злобная ведьма ежедневно поджаривала на сковороде истинного праведника.

Суд, рассмотрев все обстоятельства дела, признал дирижёра виновным. Однако полагавшуюся в таких случаях смертную казнь судья заменил двадцатью годами тюрьмы. Из них вычел восемнадцать, столько лет Столерман состоял в браке, объяснив это тем, что жить с подобной женщиной хуже всякой каторги. Оставшиеся два года дирижёру надлежало провести в театре без права выезда за границу.

Из зала суда народ вынес маэстро на руках.

Изорванную партитуру восстановил автор, сочинявший музыку к своей опере почти десять лет и, естественно, помнивший каждую ноту.

Досталась композитору и дирижёрская палочка. Столерману было не до неё. Оставшись в доме один и закрыв, наконец, окна, он мучительно страдал из-за совершённого убийства, страдал оттого, что любил свою «драную кошку», любил как никто другой все восемнадцать лет.

Отутюженный фрак Мария с манекена не сняла. Она верила, что рано или поздно невольный убийца придёт за своей «шинелью».

В день премьеры дул сырой пронизывающий ветер, однако неудачников, оставшихся без билета, но жаждавших во что бы то ни стало попасть в зал, не остановил бы и лютый холод.

Одни столпились у касс, надеясь на продажу брони, вторые высматривали знакомых у служебного входа, третьи наматывали круги у театра, сторожа лишний билет.

Безбилетников набралось столько, что когда подъехавшие на машине Степан и Мария ступили на тротуар, перед ними выстроился живой коридор. Мария ждала ребёнка, и Степан, встав впереди, повёл жену за собой. Облегчённо вздохнул он только в театре. Проследовав с Марией в гардероб, Степан снял пальто, помог жене снять шубку и сдал одежду гардеробщику.

Мария оглядела себя в зеркале.

На ней было платье, которое она специально сшила к премьере. Платье напоминало наряд европейских женщин пятнадцатого века с накладным животом, и Мария, смеясь, говорила, чем чёрт не шутит, вдруг верну в моду этот старинный фасон.

Благодаря близкому знакомству с директором театра, супруги имели постоянные места в партере. Однако сегодня Степан сопровождал беременную жену в ложу. Раньше в ней восседал российский наместник, затем градоначальники, а после обретения Грузией независимости шестиместная ложа перешла правительству.

Два кресла в ней по праву заняли Председатель правительства республики, лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания и его супруга. Степан же заполучил привилегированные места по старой дружбе, ибо ещё до всяких революций Жордания захаживал именно в его ресторан, захаживал со своими соратниками, и Степан, уберегая влиятельных политиков от назойливых репортёров, предоставлял им отдельный кабинет.

Оставшиеся два кресла достались известному поэту, члену Учредительного собрания Грузии Шалве Амирэджиби и его молодой жене, актрисе Верико Анджапаридзе.

Мария не могла не оценить платье актрисы в стиле «ар-нуво», поддерживаемое на груди бюстгальтером — новинкой, подаренной миру моды американской изобретательницей Мэри Джекобс.

Познакомилась Мария с Верико год назад на вечере поэтической группы «Синдикат футуристов», куда её затащила вернувшаяся в Тифлис Татьяна.

На малоизвестную ещё актрису смотрели с любопытством, ибо ходили слухи, что поэт Акакий Церетели, автор знаменитого стихотворения «Сулико», встречая новый, одна тысяча девятисотый год в доме князя Ивлиана Анджапаридзе, поднял на руки двухлетнюю Верико и сказал, что в наступившем столетии эта маленькая фея непременно прославит свою родину.

Предсказание великого грузинского поэта сбылось. Когда девяностолетняя актриса умерла, её гроб несли на руках через весь Тбилиси. Несли от театра до кладбища по усыпанной цветами дороге, и на всём двенадцатикилометровом пути поклонники Верико встречали свою любимицу аплодисментами. Из репродукторов лился голос актрисы, а у самого кладбища прозвучала фраза, которую Верико произнесла в своём последнем фильме: «Зачем нужна дорога, если она не ведёт к храму».

Но до этого времени Мария не доживёт.

Театр гудел. Зрители занимали свои места, предвкушая торжественный миг начала.

Над закрытым занавесом красовался новый грузинский флаг, и Степан с Марией восприняли его как некую увертюру к национальной опере. Кизильный цвет флага символизировал многовековую борьбу страны за свободу, которая год назад была, наконец, обретена.

Однако выход Грузии из состава России большевистские лидеры приняли в штыки. На каждом из своих митингов они призывали людей к восстанию. Аргументами

выдвигали резкое ухудшение экономического положения, ослабление армии, упразднение дореволюционной полиции, отчего количество краж и ограблений росло.

Правительство делало всё что могло, однако сил у него не хватало. Не обладали достаточным опытом борьбы с преступностью и сменившие полицейских народогвардейцы.

Степан, поборник свободы, возмущался призывам большевиков к насилию. На одном из митингов он даже столкнулся с парашютом оратора, который злобно выкрикнул: «Долой князей и дворян!»

Оратором был, как узнал Степан позже, редактор газеты «Кавказский рабочий» Филипп Махарадзе. Через два года Сталин назначит его председателем грузинского Ревкома, и тех, кто не захочет подчиниться новой советской власти, бросят в тюрьмы, а самых дерзких расстреляют. Среди них окажется и Степан.

До начала представления оставались считанные минуты. Разговоры смолкли. Волнение зрителей достигло предела.

Мария бессознательно водила рукой по обтянутому красным бархатом барьеру. Степан механически крутил колёсико настройки фокуса на театральном бинокле. Шалва и Верико, устав отвечать на посылаемые им из партера приветствия, блуждали глазами по потолку. Жордания в который раз перелистывал программку, а его супруга нервно теребила приготовленный для слёз платочек.

Но стоило занавесу дрогнуть, как все устремили взгляд на сцену.

Занавес, поднимаясь, открывал нарисованные на заднике лесистые горы со снежными вершинами. Свет в зале погас, зато стал ярче в рампе.

Степан знал, что накануне премьеры его приятель инженер Ираклий Вацадзе, возглавлявший электрическое хозяйство города, лично проверял надёжность освещения в театре. Пропажа электричества в момент представления обернулась бы для оперы непростительной паузой. Насколько бы она затянулась, зависело от расторопности бессменного пожарного Мишо. Он лично разносил бы канделябры и лично зажигал бы свечи. Гроза курильщиков не позволил бы играть с огнём самому Богу.

Установившуюся в зале тишину внезапно нарушил шквал аплодисментов.

Из-за кулис ступил на сцену автор оперы сорокавосьмилетний Захарий Палиашвили.

Гром оваций был таков, что его услышали даже безбилетники, всё ещё топтавшиеся у театра.

Темпозитор торопливо поклонился и спустился в оркестровую яму. Подойдя к пиюитру, он обвёл музыкантов ободряющим взглядом и поднял перешедшую ему от Столермана дирижёрскую палочку.

Взмах руки, и оркестр заиграл.

Увертюра сразу же увлекла слушателей. Музыка рисовала родные просторы с их горными вершинами, стремительными водопадами, быстрыми реками, непроходимыми лесами, бескрайними долинами. Слушатели легко могли дорисовать и голые скалы с неприступными крепостями, и живописные склоны с островерхими замками и, конечно же, гордого витязя в тигровой шкуре. Вместе с тем, в плавно лившуюся музыку вплетался и предвещавший беду скорбный мотив.

Сказание о трагической любви Абесаломы и Этери знал с детства каждый грузин.

Царевич Абесалом встречается на охоте пастушку Этери и предлагает красавице руку и сердце. Визирь Мурман, охотившийся с царевичем, тоже влюбляется в девушку. Задумав, как овладеть ею, он дожидается свадьбы и дарит невесте ларец, окуренный злыми чарами. Царевна заболевает. Ни один из лекарей не в силах вернуть здоровье несчастной девушке, и тогда Мурман заявляет, что исцелит Этери, но для этого ему придётся увести царевну в свой замок. Абесалом в отчаянии соглашается. Идёт время.

царевич тоскует по возлюбленной, от тоски заболевает. Сестра Абесалома узнаёт, что царевна выздоровела, и спешит сообщить об этом брату. Обессиленный царевич пускается в путь. С трудом добирается до замка и умирает на руках возлюбленной. Не выдержав горя, Этери закалывает себя кинжалом Абесалома.

Мария, выросшая на итальянских и французских операх, никак не могла поверить, что слушает именно грузинскую оперу.

Первый акт начался с мужественного и сурового хора охотников. Следом прозвучала ария Этери. Девушка пела о нелёгкой жизни со злой мачехой, и ария напоминала Марии печальную народную песню. А когда зазвучал дуэт Абесалома и Этери, Марию не могла не тронуть взволнованная мелодика, передававшая неимоверную силу чувств героев. Внезапно в любовный дуэт вторгся Мурман со своими властными и суровыми репликами, и по спине Марии пробежал холодок. Противостояние продолжалось. Симфонический эпизод скачки, где дуэт влюблённых звучал восторженно и приподнято, сменялся арией Мурмана, в которой слышались мрачная решимость и огненная страсть.

Второй акт воссоздавал древний обряд венчания. Мария, слушая задравные, величальные и застольные хоровые песни, забыла, где находится. Сцена свадьбы открывалась монументальным хором «Слався, владыка». Следом под торжественный марш выходили новобрачные. Здесь с новой силой прозвучал хор, выдержанный в характере древних обрядовых песен. Не мог не взволновать Марию тонкий лиризм канцонетты Марихи, сестры Абесалома. А завершали второй акт темпераментный танец лекури и медленный, грациозный танец мирзая.

Перелом в драматическом развитии оперы наступил в третьем акте, воспроизводившем строгий траурный обряд. Действие включало в себя арию царевича, наполненную глубоким страданием, и массовую сцену с траурным хором, сменявшимся жалобными причитаниями. Сохранявшийся в секстете трагический колорит, после которого вновь звучала мелодия хора, особенно задевали чувства Марии.

Заключительный четвертый акт был насыщен скорбной лирикой. Вступительная ария тосковавшей по царевичу Этери довела зал до слёз. Не менее трогательной была ария Абесалома. Звучал трагический мотив и в арии Мурмана. Отправляемый царевичем в далёкое странствие, он предчувствовал свою неминуемую гибель. Колорит музыки посветлел лишь в долгожданной встрече влюбленных, однако ненадолго. Смерть Абесалома и самоубийство Этери сопровождал скорбный хор, спевший: «Эти пламенные души здесь лишь горе испытали».

Никто не понял, что опера закончилась. Молчание длилось долго. Потом раздался одинокий хлопок, и тут же зал взорвался овациями. Аплодируя, зрители вскакивали с кресел. Слёз не стеснялись. Кто-то выкрикивал: «Браво!», «Бис!», кто-то обнимался, а кто-то продолжал сидеть, ибо не в силах был шевельнуться.

У супруги Жвания не осталось на платочке сухого места. Мокрым был платочек и у Верико. Состояние мужчин выдавали влажные глаза. И только Мария, считавшая людскую жизнь подвластной року, не проронила ни слезинки. Но отсутствие слёз не означало отсутствие у неё чувств. Источником её переживаний являлись не сюжетные перипетии, а древние грузинские корни, благодаря которым и родилась истинно национальная вещь. Мария верила, что опера с таким музыкальным великолепием непременно войдёт в репертуар самых знаменитых театров.

Овации не стихали. Зал вызывал и вызывал композитора, вызывал вместе с исполнителями, вызывал вместе с музыкантами. Когда автор долго не возвращался, хлопки становились ритмичными, но тут же теряли слаженность, как только смущённый виновник торжества вновь показывался из-за кулис. Рукоплескания

усиливались, пока композитор шёл к центру сцены, и достигали неистовства в момент поклона автора.

Внезапно в ложу вошёл человек в одежде джигита и, шагнув к Председателю правительства, тихо сказал: «Сочи». Ной изменился в лице, встал, и оба направились к выходу.

Слово «Сочи» слышали все, что заставило женщин перестать аплодировать, а мужчин тревожно переглянуться.

Беды начались в прошлом году. Учредительное собрание республики приняло решение о восстановлении исторических границ Грузии согласно старинной карте времён царя Давида Строителя и царицы Тамары. Изменить границы пожелала и ставшая независимой Армения. В принадлежавшем Грузии Борчалинском районе проживало армян в девять раз больше, чем грузин. Стороны встретились, однако договориться не смогли. Армения не успокоилась и решила захватить Борчалинский район силой. Грузинская армия встретила непрошенных гостей огнём. Локальные сражения быстро переросли в полномасштабную войну с применением артиллерии и бронепоездов. Боевые действия шли с переменным успехом, и после трёх месяцев ожесточённых боёв с множеством убитых и раненых, стороны снова сели за стол переговоров. Теперь с участием британского посла. Договорились, что северная часть Борчалинского района останется за грузинами, южная часть перейдёт армянам, а средняя будет подчинена английскому генерал-губернатору. Обстановка на юге страны стабилизировалась, но осталась тревожной на севере республики. Летом прошлого года Грузия вытеснила большевиков из Абхазии и городов черноморского побережья, включая Сочи. Однако вхождение российских территорий в состав Грузии вывело из себя Главнокомандующего Добровольческой армии генерала Деникина, который знать не хотел никаких старинных карт. Генерал двинул войска на Сочи. Грузия обратилась за справедливостью к англичанам, но те и сами возмутились демаршем Деникина. Оружие поставлялось ему для борьбы с Советами, а не для реализации его державных амбиций. Англия заявила генералу, что если он не остановится, военная помощь Добровольческой армии будет прекращена. Деникин отвёл войска. Но теперь, как поняли в ложе, он возобновил поход.

Шалва поспешил успокоить женщин, сказав, что Англия надёжная союзница Грузии и немедля поставит заносчивого генерала на место.

Так и произошло. А вскоре Деникина вообще сместят с поста Главнокомандующего и отправят на английский миноносце в Константинополь. В Россию он уже не вернётся, вернутся его останки, вернутся через восемьдесят пять лет. Бесценным окажется пятитомник под общим названием «Очерки русской смуты», который Деникин напишет в эмиграции. Последняя книга будет заканчиваться словами: «Мы уходили от постылых берегов Босфора, унося в душе неизбывную скорбь».

Степан узнает о последних днях пребывания генерала в Константинополе от вернувшегося из турецкой столицы однорукого поручика, который будет пропивать в его ресторане последние гроши. Поручик расскажет, что лично видел, как Антон Иванович отплывал в Англию на дредноуте «Мальборо», и лично видел, как по его щекам текли слёзы. Не сдержит слёз и сам поручик. Степан вернёт деньги инвалиду.

В ложу опять вошёл бравый джигит и, обратившись к супруге Жвания, сказал, что её провожатым будет он.

Из театра вышли вшестером. Ветер утих, и на улице сразу потеплело.

Супруга Председателя правительства уехала в поданной ей машине, а Шалва с Верико и Степан с Марией решили прогуляться. Не став ждать, пока хлынувшая из театра людская река иссякнет, пары медленно пошли по краю тротуара. Однако

не успели они сделать и двадцати шагов, как их настигла знакомая поэтическая ватага с летевшей впереди всех Татьяной Вечоркой. В театре она поприветствовала ложу с верхнего яруса, а теперь кинулась обниматься. Не дав парам опомниться, поэтесса попросила ошеломлённую четвёрку быть почетными гостями в их новом пристанище, где вся компания собирается отметить успех грузинской оперы. Поэты поддержали Татьяну, и она быстро добавила, что отказ не принимается, к тому же их футуристическое кафе с мистическим названием «Химериони» находится в подвале театра «Артистическое общество», до которого, как им известно, рукой подать Пары приглашение приняли.

Степан, опасаясь за беременную жену, ни на секунду не отпускал локоть Марии. Супруги прошли через холл театра и, спустившись вниз, оказались в просторном помещении с ярко разрисованными стенами. Татьяна сказала, что здесь был захлащённый подвал, а что стало, Мария видит сама. Действительно, новое пристанище поэтов не шло ни в какое сравнение с погребком «Фантастический кабачок», где не так давно слушали поэтов Мария и Верико. Актриса тогда поразила молодых людей своей зелёной кофтой и шляпой с зелёным пером.

Сегодня поэтов восхитило её современное платье. Не было обойдено вниманием и платье ожидавшей ребёнка Марии. А вот Татьяну, с её постоянно менявшимися нарядами, одарили комплиментами, видимо, ещё в театре. По той же, наверное, причине остались незамеченными оригинальные костюм и платье незнакомой Марии пары. Причём костюм и платье великолепно гармонировали друг с другом.

Пока мужчины накрывали стол, Татьяна, уведя Марию от Степана, спешила выговориться. Назвала она и незнакомую ей пару. Это была чета Судейкиных, сбежавшая в Тифлис от петербургского ужаса. Мария тут же вспомнила рассказ Татьяны о «Бродячей собаке». Получалось, что находились здесь художник Сергей Судейкин и его жена, танцовщица Ольга. Мария подумала, так вот она какая, волшебная фея Петербурга. Именно ею восхищалась Анна Ахматова, именно ей послал лирический герой Александра Блока «чёрную розу в бокале». Но Татьяна вдруг назвала жену Судейкина Верой. Мария удивлённо спросила: «Разве не Ольга?». Татьяна быстро ответила, что Сергей развёлся с Ольгой четыре года назад и тогда же познакомился с Верой. Его новая жена — актриса. Играла в Камерном театре и снималась в кино, причём снималась у самого Якова Протазанова. Мария сказала, что не знает Протазанова. В синемафотографе они со Степаном были всего пару раз, и ходили специально на прожужжавшую им уши Веру Холодную.

Татьяна всплеснула руками.

— Веру Холодную похоронили два дня назад. Она умерла от «испанки», в Одессе.

Мария восприняла эту информацию спокойно.

— Почему в газетах не написали?

— Ещё напишут. Вчера я встретила знакомого репортёра, он и сообщил мне о смерти Веры. Рассказал, что она поздно вечером ехала на санях, сани перевернулись, актриса упала в снег, долго не могла встать и простудилась. Однако на похоронах говорили, будто Веру Холодную задушил деникинский генерал, военный губернатор Одессы. Он был её любовником и задушил из ревности.

Мария вздохнула.

— Судьба.

Татьяна заговорила тише.

— Что касается Веры Судейкиной, она мужа любит, ради него бросила и театр, и кино. Переехала из Москвы в Петербург и там серьёзно занялась живописью. В Тифлис их привёз наш Паоло Яшвили, старый приятель Судейкина. Сергея встретили

овазиями. Мэтр! Когда мы получили подвал, именно Судейкин подал идею, как оформить «Химериони». Одну стену расписал он, другие — Ладо, Давид и Кирилл.

Мария знала, о ком говорила Татьяна, и вообще знала многих из их круга. Знала неразлучных друзей-поэтов Паоло Яшвили и Тициана Табидзе. Знала братьев Илью и Кирилла Зданевичей, поэта и художника. Это они, увидев поразившие их ресторанные вывески, разыскали и открыли миру Нико Пиросмани. Мария знала и автора нашумевшей оперы «Победа над солнцем» Алексея Кручёных, прочно обосновавшегося в Тифлисе. Знала художников Ладо Гудиашвили, Давида Какабадзе, Мишу Чиаурели. Миша, кстасти, неровно дышал в сторону Верико. Мария заметила это ещё на вечере в «Фантастическом кабачке».

Татьяна, продолжая говорить о росписях, показала на противоположную стену. Сказала, что в испанской шляпе и с рогом в руке стоит Паоло. В костюме Пьеро прислонился к стволу гранатового дерева Тициан. Судейкина узнала Мария сама. Художник был одет в древнерусский костюм и держал зеркало, в котором отчётливо виднелось лицо Веры. В центре композиции выделялась символическая фигура поэта в окружении муз, наряженных в одежды, изображённые на древних грузинских фресках. В простенках были нарисованы разбитые зеркала, а в дробящихся осколках отражались лица знакомых Марии поэтов.

Мужчины, наконец, накрыли стол, и Шалва, единогласно избранный тамадой, начал с тоста, восхвалявшего свободную Грузию. Второй тост был произнесён в честь композитора Захария Палиашвили. Потом пили за здоровье солистов, музыкантов, не забыли и бедного Столермана. Степан произнёс тост во славу грузинской культуры. А когда на столе появилась новая бутылка, стали звучать тосты в честь присутствующих. Наряду с тостами поэты читали стихи. Кручёных не изменил себе, выдал нечто непонятное, зато очень ритмичное. Остальные поэты оставили заумь в футуристическом прошлом. Трогательное стихотворение прочла Татьяна. Шалва подарил Верико стансы. А Илья Зданевич, продекламировав стих о любви, вдруг вспомнил, как, ещё учась в Петербургском университете, он открыл «Школу поцелуев». Это была, по его словам, первая в России лига любви. Завершил поэт речь тем, что его петербургский порыв был омрачён двумя убийствами, тремя самоубийствами и четырьмя витийствами. Он назвал имена витий: Велимир Хлебников, Владимир Маяковский, Илья Эренбург и присутствующий здесь Алексей Кручёных. Кручёных подтвердил сказанное Зданевичем.

Мария, наблюдая за поэтами, вдруг подумала, какие же судьбы уготованы этим молодым людям. Останутся ли их лица такими же одухотворёнными, а глаза такими же горящими?

Увы, не пройдёт и двух лет, как от «Химериони» не останется и следа. Татьяна уедет в Баку, там выйдет замуж за графа Толстого, одного из потомков известного русского рода. Супруги переедут в Москву, и Татьяна, уже под фамилией Толстая прославится книгой «Детство Лермонтова». Графа репрессируют, дадут десять лет лагерей, из лагеря он уже не вернётся, умрёт от истощения в инвалидном блоке.

Татьяна связь с Марией не порвёт. Седовласый почтальон будет приносить в старый тбилисский дворик недлинные письма.

Судейкины эмигрируют. Вера уйдёт от мужа к Игорю Стравинскому и проживёт с композитором целых пятьдесят лет. Сергей некоторое время будет оформлять спектакли для труппы Анны Павловой. После уедет в Америку и устроится художником в театр Метрополитен-опера, где создаст декорации ко многим знаковым спектаклям, в том числе к опере «Порги и Бесс» на музыку Джоджа Гершвина. В Сергея влюбится певица из той же Метрополитен-опера, и он на ней женится. Умрёт художник сразу после окончания Второй мировой войны.

Шалва Амиреджиби будет бороться с советской властью не на жизнь, а на смерть. Проиграв борьбу, он эмигрирует во Францию и там с головой уйдёт в поэзию. Верико покинет Шалву и выйдет замуж за Михаила Чиаурели, не сводившего с неё глаз в «Химериони». Сам Михаил прославится сталинским любимцем как кинорежиссёр, а их дочь Софико станет звездой советского экрана.

Алексей Кручёных эмигрировать не захочет и вернётся в Москву один. Когда арестуют его знакомых, он поймёт, что совершил ошибку и наглухо закроется в своей квартире. Чтобы прокормиться, будет продавать стихи с автографами Маяковского и Хлебникова. Умрёт он от воспаления лёгких накануне ввода советских войск в Чехословакию. На его похороны придут восемь человек, среди них будут Лиля Брик, Андрей Вознесенский, Эдуард Лимонов.

Поэт Паоло Яшвили откажется назвать врагом народа своего друга Тициана Табидзе и застрелится прямо во время погромного собрания в Доме писателей Грузии. Кровь, которая брызнет на стол президиума, не поможет Тициану. Поэт будет арестован и расстрелян.

Сама Мария родит мою маму.

Через много лет бабушка скажет, что книжки с автографами Паоло и Тициана я могу взять себе. Не возьму, оставлю в сундуке. А возьму пожелтевшее либретто первой грузинской оперы.

Именинница споткнулась и упала. Споткнулась о складку ковра, которая образовалась непонятно как. Девочка тут же вскочила и, одёрнув пошитое к её двухлетию платьице, продолжила танцевать. Танцевать — громко сказано. Оленька носилась по кругу и смешно подпрыгивала под хриловато звучащую «цыганочку».

Музыкальный аппарат в виде небольшого ящичка не переставал удивлять Степана.

Крутился диск с бороздками, по бороздкам гуляла игла, и пожалуйста, тебе — оркестр.

Пришедший на смену тяжеловесному граммофону патефон считался роскошью, однако стоило французской фирме «Пате» появиться в Тифлисе, как заботливый отец тут же приобрёл дорогую новинку. А вот пластинки были отечественные. Производились диски на фабрике «Метрополь-Рекорд», построенной немецким промышленником Моллем в местечке Апрелевка под Москвой. Степан лично съездил на фабрику и закупил сразу сотню пластинок на любой музыкальный вкус. Вот вам великий Карузо, вот титан Шаляпин, а вот разудалая «цыганочка», которую Степан запустил сразу же после застолья.

Глава семьи подошёл к Оленьке, вывел её на середину комнаты и, притопнув ногой, раскинул руки в сторону. Малышка повторила движения. Папа и дочь затанцевали, да так задорно, что от пары невозможно было оторвать глаз. Когда девочка понеслась по кругу, Степан отступил и стал хлопать в такт музыки. Мужа поддержала жена, а маму поддержали сыновья, одиннадцатилетний Володик и шестилетний Зенон. Следом захопала Лиза, сестра Марии, и муж Лизы, инженер путей сообщения Пётр. Не удержался от хлопков и младший брат Марии, семнадцатилетний Василий. А единственные гости, Анна и Сергей Городецкие и их двенадцатилетняя дочь Рогнеда сами пустились в пляс...

Петербургскую семью Городецких забросила в Грузию развязанная в Европе война.

В один из зимних вечеров 1915 года к Марии влетела Татьяна и, расстегнув модный полушубок, достала из обшитого серебристым мехом кармана бутылку кахетинского вина. Выставив её на стол, она взалёб принялась рассказывать о появившейся в Тифлисе хорошо знакомой ей поэтической паре.

Потомок старинного дворянского рода Сергей Городецкий, будучи студентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, настолько увлёкся славянской мифологией, что заговорил о восхитившем его язычестве стихами. Приятельствовал Городецкий с учившимся на том же факультете и уже снискавшим себе поэтическую славу Александром Блоком. Прочитав вирши новоявленного пиита, Блок тут же потащил обожателя старины в святая святых петербургских поэтов, «башню» Вячеслава Иванова. Городецкого услышал весь «символический Олимп», и двадцатилетний молодой человек за ночь стал знаменитым. Похвалы расточали такие корифеи как Бальмонт, Брюсов, Сологуб, Белый, Мережковский, Гиппиус. Успех подвиг Городецкого издать свои стихи. Книжка с названием «Ярь» была тепло принята и читателями, и критиками. А для молодых поэтов Николая Гумилёва и Анны Ахматовой эти стихи оказались ещё и близкими по духу. Лёгкий прозрачный слог резко контрастировал с претившим супружеской паре символизмом. Поэты объединились в тройственный союз и, образовав собственный «Цех поэтов», заявили о создании нового поэтического направления — акмеизм.

Мария, подлив вино в опорожнённый Татьяной бокал, спросила:

— «Акме» в переводе с древнегреческого — острое?

— Острое — одно из значений, троицу привлекло значение «расцвет». Но к чёрту поэтические изыски, скажу об Анне, — Татьяна отхлебнула вино. — Где бы ни появлялась выпускница Бестужевских курсов, мужчины теряли голову от её красоты. Ко всему, она писала неплохие стихи. Свободный от брачных уз Городецкий бросился добиваться руки Анны. Девушка не отказала. Блок порадовался за друга и даже посвятил ему стихотворение «Сольвейг», где героиней, конечно же, была пролетевшая мимо него звёздочка. Не устоял перед красотой Анны и художник Илья Репин. Когда пара сняла дачу в Куоккале и посетила мэтра в его Пенатах, художник немедля взялся писать портрет супругов. А увидев длинные до пят волосы девушки, Репин назвал Анну Нимфой. Стал называть жену Нимфой и Сергей. Сама же Анна, попав под влияние мужа, любителя русской старины, взяла себе литературный псевдоним Нимфа Бел-Конь Любомирская. В славянской мифологии Белый Конь символизирует солнечный свет и добро, а Любомир — любящий мир. Когда же у супругов родилась дочь, имя они выбрали быстро: Рогнеда, — Татьяна допила вино и, не закусывая, продолжила. — Не могу не сказать про друга Городецкого — поэта Есенина. Оба Сергея — не разлей вода! А познакомились они вот как. На квартиру к Городецкому явился светловолосый юноша, державший что-то завязанное в деревенский платок. Это были стихи. Стоило Городецкому прочитать два-три стихотворения, как он понял, что в русскую поэзию пришёл невиданный доселе поэт. Есенин покинул гостеприимный дом с рекомендательными письмами к различным издательствам. И кто бы что ни говорил, именно Городецкий открыл аристократической публике Есенина.

После приезда петербуржцев в Тифлис, Татьяна не раз пыталась познакомить Марию с Городецкими, но та желания не проявляла, говоря, что у неё с ними разные интересы. А после рождения дочери Мария вообще отказалась от любых светских раутов.

Однако приход Татьяны её радовал. Одно дело узнавать новости от мужа, другое — от Татьяны. Пусть даже — и слухи, но, как говорится, дыма без огня не бывает. Степана Татьяна не стеснялась. Могла поплакаться о своей полноте, о невнимании к ней мужчин, возмутиться бездарностью местных поэтесс, но никогда не забывала поговорить о Городецких.

В Тифлисе Сергей развил бурную деятельность. Организовал, по примеру петербургского, «Цех поэтов», издавал журнал «Арс», печатал свои стихи и рассказы, читал

лекции по искусству в Тифлисской консерватории, а их с Анной квартира всегда была открыта для умников.

Выказывала артистический талант их подрастающая дочь. И что удивительно, увлеклась шахматами. Девочку научил играть старичок-сосед, призёр знаменитого шахматного турнира, проходившего в Тифлисе аж в тысяча восемьсот девяносто втором году.

А осенью двадцатого года Татьяна явилась к Марии наряженной и без традиционной бутылки кахетинского.

Уже в дверях выпалила:

— Сегодня на заседание «Цеха поэтов» придут два преинтересных типчика. Занесло их в Тифлис непонятно как. Оба поэты. Одного звать Илья Эренбург, второго Осип Мандельштам. Вчера они выступали перед широкой аудиторией, сегодня встреча неофициальная, в узком кругу.

Ни о первом, ни о втором Мария не слышала, но Степан, поймав молящий взгляд Татьяны, сказал жене: «Развейся, в конце концов», и прилежная супруга, тяжело вздохнув, стала думать, что ей надеть. После родов Мария ничего нового себе не пошила, а выглядеть отставшей от моды она не желала.

На сей раз заседание «Цеха поэтов» перенесли в репетиционный зал Тифлисской консерватории, куда обе и направились. Пришли заранее, и Мария, наконец, познакомилась с Городецкими.

Супруги оказались милы и доброжелательны. Анна, и правда, блистала красотой. Под стать ей был и одетый в элегантный костюм Сергей — высокий, статный, с копной светло-каштановых волос. Выбивалась из стиля, по мнению Марии, только длинная курительная трубка, которую Городецкий картинно держал в руке.

Зал заполнялся. Поэтессы, как и предполагала Мария, словно сходили с обложек французских журналов мод. Правда, некоторых, считала она, подвёл вкус. Двум женщинам не шёл цвет, у третьей был высоко пристрочен пояс, а дама с оголённой спиной не учла колючесть своих лопаток.

Были у Марии претензии и к мужчинам. Один неумело повязал шарф, второй неверно застегнул пиджак, у третьего свисали с туфлей шнурки.

Татьяна спешно рассказывала о входивших в зал поэтах, но лишённая полноценного дыхания из-за донельзя затянутого пояса, проглатывала слова. Мария и не пыталась запоминать, считая, что вряд ли увидит эту публику ещё раз.

Внезапно шагнул в зал Алексей Кручёных. Заметив Татьяну с Марией, поэт подошёл к ним и обьем поцеловал руку. Не задерживаясь, направился к приветливо махавшим ему приятелям. Татьяна сказала как бы про себя: «Бессребреник с ужимкой иезуита».

Непроизвольно образовывались дружеские пяточки, и только дама с оголённой спиной одиноко прогуливалась по паркету.

Сюрпризом оказалось для Марии появление в дверях Тициана Табидзе и Паоло Яшвили. Вместе с ними вошли в зал два черноволосых молодых человека чем-то похожих друг на друга.

Мария поняла, что это и были те два типчика.

Как ни странно, типчики ей понравились. Притягивали озорные глаза, в которых читался редкостный ум.

Городецкий представил гостей и сказал, что Илью и Осипа приютили у себя Тициан и Паоло.

Последовали короткие аплодисменты, и поэты, задвигав расставленными в беспорядке стульями, расселись.

Опустились в приготовленные кресла и гости.

Сергей без всяких вступлений попросил Эренбурга рассказать о парижской богеме, в которой тот варился более восьми лет.

Эренбург, оставшись сидеть, заявил, что ему неловко быть в центре внимания столь почтенной публики, ибо ничем выдающимся он себя не проявил. Сделав паузу, гость попросил воспринимать его как простого собеседника и, извинившись, сказал, что начнёт он не с парижской богемы, а со своих грузинских друзей.

Повернувшись к Табидзе и Яшвили, Эренбург заговорил, словно со сцены:

— Тифлис оказался для меня случайным полустанком, на котором остановился поезд времени. Мы попиали вино в Верийских садах, внизу нетерпеливая Кура играла с красными и желтыми огоньками, а на столе благоухали тархун и киндза. В древних храмах мы глядели на каменных цариц, к которым ласкались барсы. Мы восхищались в духанах картинами Пиросмани. Мы побывали в серных банях: на меня взобрался огромный банщик, облепил чудодейственной грязью, и Паоло назвал меня Нарциссом. Раньше я не бывал на Востоке, и старый Тифлис казался мне городом из «Тысячи и одной ночи». Мы бродили по нескончаемому Майдану; там продавали бирюзу в смоле и горячие лепешки, английские пиджаки и кинжалы, кальяны и граммофоны, портреты царицы Тамары и доллары. А какое удовольствие я получил, увидев праздник «шахсей-вахсей» мусульман-шиитов. На носилках, изукрашенных цветистыми коврами, несли красавиц-персиянок. Вокруг сновали костюмированные всадники и нещадно хлестали их кнутами. За ними следовали сотни полуголых мужчин, ударявших себя железными цепями. Гремела музыка. Главными актерами были люди в белых халатах. Они раскачивались, выкрикивали «шахсей-вахсей!» и били себя саблями. Самоистязание считалось поминками по сыну халифа Хусейну, героически погибшему тысячу четыреста лет назад, — Эренбург внезапно замолчал и уже другим голосом произнёс. — А на соседней улице я прочитал листовку: «Красное знамя Советской власти реет над Баку. Не сегодня, завтра оно зовётся над Тифлисом, — сделал паузу, он прикрыл глаза и продолжил. — В Зимнем Дворце среди пошлой мебели, / Среди царских портретов в чехлах, / Пока вожди ещё бредили, / В последний час, / Бедные куцые девушки / В огромных шинелях, / Когда все предали, / Умереть за неё захотели — за Россию. / Уже матросы взбегали по лестницам: / «Эй, тащи девку! Разложим бедненькую! / На всех хватит! Чёрт с тобой! / Это будет наш последний / И решительный бой», — Эренбург распахнул веки. — Детям скажите: «Мы жили до и после. / Россию на месте лобном / ещё живой видали» / Скажите детям: «Осенью одна тысяча девятьсот семнадцатого года / мы её распяли».

Эренбург замолчал. В повисшей тишине кто-то спросил:

— Это ваши строки?

— Да, из «Судного дня». Написаны сразу после захвата власти большевиками. Но возвращаюсь к вам, друзья, — Эренбург показал на сборник стихов тифлисского «Цеха поэтов», который держал в руке Мандельштам. — Я прочёл ваши стихи, прочёл с превеликим удовольствием. Мало того, мы с Осипом поразились тематическому охвату сборника, — Эренбург взмахнул рукой, — от любовной лирики и ужасов войны до сонетов о Свароге, Эросе, Суламите, Санаваллате, Монфоре. Не могу не сказать о поэтическом уровне. Он очень высок. И признаюсь, меня восхитила звучность имён ваших поэтесс: Нина Грацианская, Магдалина де-Капрелевич, Нимфа Бел-Конь Любомирская.

Городецкий перебил:

— Давай-ка лучше о парижанках.

Эренбург улыбнулся.

— Даю. Но честно сказать, у меня голова идёт кругом. Столько было в Париже встреч, бесед, разговоров. А сколько было выпито вина с теми же парижанками. Откроюсь, я задумал написать об этом книгу. Не знаю, когда начну, однако название для будущей книги уже придумал: «Увидеть Париж — и умереть».

И увидевший Париж стал рассказывать, как попал во Францию, как колесил по ней и как оказался в среде парижской богемы. Говоря о кафе «Ротонда», где собирались бросившие вызов академизму художники и поэты, Эренбург словно рисовал картину, на которой можно было разглядеть каждую деталь. Поведал он и о происходивших в кафе забавных случаях. Обрисовал в смешных красках Пикассо, Модильяни, Матисса, Леже.

Мария, слушая Эренбурга, подумала, что пришла на вечер не зря. О ком-то она слышала, видела даже картины скандальных художников, но о жизни парижской богемы узнавала впервые.

Эренбург перемежал свой рассказ стихами, и Мария не ожидала, что ей западёт в душу стихотворение Аполлинера «Мост Мирабо», прочитанное Эренбургом по-французски. А когда он передал эстафету Мандельштаму, и тот прочёл своё стихотворение: «Бессонница. Гомер. Тугие паруса. / Я список кораблей прочел до середины: / Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный, / Что над Элладой когда-то поднялся...», Мария вспомнила «дамскую академию», где институткам полагалось читать «Илиаду» в оригинале. Мало того, каждой из них требовалось выучить наизусть отрывок из этой поэмы. Марии как раз достался «перечень кораблей», и она до сих пор помнила эти строфы.

Только она об этом подумала, как отрывок о «кораблях» стал читать на древнегреческом языке Мандельштам. В одном месте он запнулся, и Мария неожиданно для себя продолжила. Мандельштам, не став перебивать, дал Марии закончить и после благодарно кивнул ей, произнёс:

— Почему у человека язык — один, а уха — два? Для того, чтобы мы больше слушали, нежели говорили. Посему замолкаю и возвращаю слово нашему поэтическому тамате.

Городецкий, усмехнувшись, сказал, что эти умные слова принадлежат философу Эпиктету, и он тоже им последует. Обведя глазами возбуждённых поэтов, Сергей предложил желающим почитать свои новые стихи.

Начала поэтесса с оголённой спиной: «Царапнув воздух, я вползу в окно, / Живых мохнатой лапой пугая, / Мечтательность за мной войдет нагая / В сердца людей влить терпкое вино.».

Закончив читать довольно длинное стихотворение, поэтесса кивнула нетерпеливо ерзавшему рядом с ней парню. Тот чеканил каждое слово как солдаты шаг: «К сенокосам / станом босым, / до зари, / шли по росам / белым росам / косари.».

После него робко заговорила молодая девушка: «Упорством золота пронзив, / Последней тучки волоконце, / Вдруг забарахталось в грязи / Развеселившееся солнце...».

Продолжил мужчина в годах: «Как раньше, лентой вьется вдовьей / Куры чернеющий атлас / И под чадрой татарки брови / Хранят все ту же тайну глаз...».

Следом подал голос длинноволосый молодой человек: «Я видел сон: ушли в туман года. / Весь род людской истаял понемногу, / Изжив себя и опостылев Богу, / И зверь вошел в пустые города...».

Две поэтессы начали говорить одновременно, обе смутились и замолчали.

Татьяна прочла стихотворение из своего нового сборника «Беспомощная нежность».

С интересом прослушали корифея Алексея Кручёных: «Суровый идиот я грохнулся на стол, / Желая лоб разбить иль древо. / И поднялся в рядах содом. / Всех потрясла тупая вера.».

Эстафета перешла к Табидзе, затем к Яшвили. Поэты продекламировали стихи на грузинском языке.

Дошла очередь до гостей. Начал Мандельштам: «Воздух пасмурный влажен и гулок. / Хорошо и не страшно в лесу. / Лёгкий крест одиноких прогулок. / Я покорно опять понесу. / И опять к равнодушной отчизне / Дикой уткой взовьется упрек, / Я участвую в сумрачной жизни, / Где один к одному одинок.»

Эренбург, дослушав друга, сказал, что стих, который он сейчас представит публике, пока только черновик: «В зените бытия любовь изнемогает. / Какой угрюмый зной! / И тяжко, тяжко мне, / Когда, рукой обвив, меня ты пригибаешь, / Как глиняный кувшин, ища воды на дне.»

Закончив чтение, Эренбург неожиданно посмотрел на Марию.

— Вам слово, обожательница Гомера.

Мария, не растерявшись, сказала, что стихи она не пишет, но поэзию любит. И стала читать: «На холмах Грузии лежит ночная мгла; / Шумит Арагва предо мною.» Прочла с таким чувством, что ей заплодировали.

Вдруг в зал вбежала девочка с лицом ангела. Татьяна шепнула, что это и есть Рогнеда. Девочка что-то сказала маме, и обе направились к двери.

В зал Анна не вернулась. Мария увидела её только в следующем году, уже в зашващенной большевиками Грузии.

Республика отчаянно защищалась. На подступах к столице шли ожесточённые бои. Армия держалась из последних сил, ожидая обещанной от Великобритании помощи, но помощь не приходила, и правительство во избежание дальнейшей бессмысленной гибели людей сдало Тифлис.

Ной Жордания, закрепившись со своими сторонниками в Батуми, продолжал атаковать британцев просьбами о помощи, однако для Англии война с Россией была невыгодна, и стороны тайно договорились не вставлять друг другу палки в колёса.

25 февраля 1921 года на Эриванской площади прошёл победный парад 11-й большевистской армии, а уже к вечеру в городе началась вакханалия. Срывались флаги независимой Грузии, грабились магазины, красноармейцы, напившись в духанах, вламывались в богатые дома. Нагрянули они и в ресторан Степана. Поели, выпили, а когда официант принёс им счёт, пьяная орда заставила официанта съесть бумажку.

Только к утру, когда возмущённые горожане стали заполнять Эриванскую площадь, власти загнали разгулявшихся победителей в казармы. На боевой клич отозвался и брат Марии Василий. Схватив отцовский кинжал, он выскочил на улицу. Мария догнала его, кинжал отобрала, но уговорить вернуться в дом не смогла и, волнуясь за брата, пошла вместе с ним.

Неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы на площадь в срочном порядке не прибыло новоявленное руководство, сопровождаемое ротой вооружённых красноармейцев.

Председатель ревкома Филипп Махарадзе заверил бурлившую толпу, что такого больше не повторится, и добавил, что зачинщики беспорядков будут строго наказаны.

Мария мало верила брызгавшему слюной оратору, как и стоявшим за его спиной большевистским лидерам. Махарадзе представил их: Сталин, Орджоникидзе, Киров. Последний, сделав шаг вперёд, сказал, что советская власть — это власть народная, а народная власть рано или поздно сделает всех счастливыми.

Волнение толпы улеглось, и люди стали расходиться.

Внезапно Марию окликнули. Обернувшись, она увидела знакомую пару, Павла и Светлану. Мария не виделась с ними с четырнадцатого года, когда на этой же площади проходил военный смотр.

Разговорились. Светлана стала женой Павла, у супругов растёт сынишка. Мама Светланы оставила гимназию и воспитывает внучка. Павел после окончания пехотного училища успел повоевать и был даже ранен. Разочарован, что Тифлис сдан.

Василий сказал, что и он разочарован. Грузинской армии больше нет, а у него мечта — стать военным.

Павел, понизив голос, сообщил, что остались люди, которые никогда не смирятся с властью большевиков, и если Василий желает, они могут обсудить это отдельно. Мария погрозила пальцем одному и другому, но Павел всё же назвал свой адрес.

На обратном пути Мария ничего не сказала брату, понимая, что если человек что-то решил, любые увещания бессмысленны.

У дома они расстались. Мария направилась в мастерскую дошивать платье дочери.

Идя по пустому проходу, Мария вдруг почувствовала, как у неё заныло сердце. Неужели конец той жизни, которая её вполне устраивала. Судьба подарила ей прекрасного мужа, прекрасных детей, правда, двое умерли, но они ждут маму в раю.

Мастерскую пронизывали солнечные лучи, пробивавшиеся через щели неплотно сдвинутых штор. Пересекая световые конусы, Мария невольно нарушала безмятежное кружение сверкавших в лучах пылинок, которые, натацевавшись, опускались на пустые раскройные столы, на закрытые чехлами машинки, на голые плечи манекенов.

Заказчики исчезли с началом войны. Одни уехали, другие не знали, что будет завтра, третьим вообще было не до обновок.

Уехала и Татьяна, почему-то в Баку. Заскочила: «Пока, Мара!», — и даже не села за стол. Не пришла на последнюю примерку жена Жордания. Надеялась вернуться? И Степан, зная, как к частной собственности относятся большевики, решил выставить ресторан на продажу.

Мария свернула в примерочную и, отразившись в огромном зеркале, сняла с вешалки скрепленное булавками платье.

Внезапно услышала: «Есть кто живой?!»

Выглянув из дверей, Мария увидела Анну и приветливо ей махнула.

Городецкая пришла заказать платье. Она вспомнила слова Татьяны, что если шить по рисунку, то надо идти к Марии Давидовне, лучше никто не пошѐт.

Мария, пропустив похвалу мимо ушей, попросила рисунок. Анна достала из сумки потрёпанный журнал и, раскрыв его на закладке, показала платье.

— Хочу такое.

Это был эдвардианский стиль, к чему Мария отнеслась спокойно, однако её удивил сам журнал. Заказчицы уповали на французские журналы мод, Анна же принесла издаваемый Николаем Алавертом «Вестник моды», да ещё шестилетней давности.

Увидев недоуменное лицо Марии, Анна поспешила добавить:

— Я просмотрела кучу журналов. Мне нужна оригинальность, а такое платье больше нигде не встречается.

Мария кивнула и продолжила рассматривать рисунок. Анна вновь заговорила:

— Сергей настаивает на переезде в Москву, а я как Нимфа Бел-Конь Любомирская не могу не поразить московский бомонд сногшибательным нарядом. Извините за нескромность.

Мария оторвала взгляд от журнала.

— Почему в Москву, а не в Петербург?

— Петербурга уже нет, есть Петроград. А Москва теперь столица.

— Да, да, я забыла.

Анна вздохнула.

— Честно сказать, мне уезжать не хочется, но муж загорелся.

— С чего это?

— В прошлом году его друг Александр Блок организовал в Петрограде поэтический вечер Сергея, причём при полной поддержке новой власти. Вечер удался, и кто-то из политуправления Каспийского флота пригласил мужа в Баку. Ему предложили выступить с лекциями о музыке, живописи, русской поэзии и культуре народов Кавказа. В дороге Сергею попала книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Муж прочёл её за поём. Тогда-то он и принял решение переехать в Москву, мол, передовая власть даст ему возможность раскрыться в полной мере.

Анна замолчала, и Мария вежливо сказала:

— Я хорошо рассмотрела рисунок и, прошу меня простить, этим платьем вы, может, кого-то и поразите, но потеряете как женщина.

— Правда?!

Мария махнула Анне.

— Пойдёмте.

Обе прошли в конец мастерской и свернули в комнату с развешанными на стенах картинами, иллюстрирующими историю моды.

Мария выдвинула верхний ящик комода и достала толстую папку. Пригласив Анну сесть, села рядом и, развязав на папке тесёмки, открыла её. Внутри лежали листы с нарисованными эскизами платьев. Мария подняла несколько листков и показала на рисунок, под которым было написано «Саломея».

— Это эскиз платья от Александры Экстер.

Анна вскрикнула:

— Слышала о ней! Художница-авангардистка.

Мария не изменила тон.

— Стиль для вас идеальный, но само платье будет другим. Такого больше не встретите.

Глаза Анны вспыхнули.

— Я вам доверяю!

Мария отложила рисунок и закрыла папку.

— Переедете в Москву, наведайтесь к Надежде Ламановой. Шейте только у неё.

— Постойте, это не та Ламанова, которая обшивала царскую семью?

— Та самая. Поставщица Ея Императорского Величества Александры Фёдоровны — таково было у неё звание.

— Вы знали Ламанову?

Мария хитро улыбнулась.

— Доводилось даже играть с ней в винт.

— Поразительно! — Анна досадливо ударила кулачком в ладонь. — Почему я раньше к вам не приходила. Татьяна тянула меня, а я всё не решалась.

— Знаете что, — Мария встала. — Приходите на день рождения моей дочери, всей семьёй.

— Сколько ей исполнится?

— Два годика. Но у меня есть сыновья. Старшему — одиннадцать. Под стать вашей Рогнеде.

— Скажу Сергею.

Мария назвала дату.

Цыганочка закончилась. Мария повела детей в игровую комнату, сестра Лиза отправилась на кухню готовить сладкий стол, а мужчины пошли на веранду курить.

Курили, правда, двое: Сергей Городецкий и муж Лизы Пётр, инженер путей сообщения. Первый — трубку, второй — папиросу.

Степан сорвал с вьющегося винограда молодой листочек и размял его.

— В этом году виноград поспеет быстрее.

Пётр улыбнулся.

— И всё благодаря советской власти.

Городецкий хмыкнул.

— Вы иронизируете, но для будущего страны лучшего строя не найти.

— Я читал Маркса, всё так, но тот же Достоевский почему-то с ним не согласился.

— А вы?

— Я не философ, не писатель, я строю железные дороги, мосты, тоннели. Они не обходимы любой власти.

— Согласен, — голос Городецкого прозвучал уже миролюбиво. — Хочу задать вам вопрос, не о политике, нет.

— Пожалуйста.

— Хочу спросить вас о Сурамском туннеле.

Пётр перебил.

— Хотите спросить об инженерере, который вёл проходку с двух сторон?

— Точно!

— И что вы об этом знаете?

— На выезде из туннеля стоит обелиск в честь инженера, который застрелился из-за того, что в назначенное время проходчики не встретились.

Пётр потушил остаток папиросы о дно стоявшей на перилах пепельницы и, выделяя каждое слово, сказал:

— Всё было далеко не так.

— А как?

— Если позволите, начну сначала.

Городецкий согласно кивнул. Не возразили и Степан с Василием.

Пётр достал из внутреннего кармана пиджака красочную коробку с надписью: папиросы высшего качества «Дюшес», открыл её и, проведя пальцем по сверкавшим позолотой папиросам, взял одну. Коробку закрыл и вернул в карман. Дунув в папиросу, захватил её губами и вытащил из нагрудного кармашка зажигалку в виде сапожка. Щёлкнул носком сапожка и от появившегося пламени прикурил. Спрятал зажигалку, затаился и, обведя взглядом нетерпеливые лица слушателей, заговорил:

— Строительство туннеля велось три года, а длина его, как вы, наверное, знаете, четыре километра. Это не самый длинный туннель в мире, но один из самых сложных. Я видел проект, видел чертежи, всё, на мой взгляд, было продумано идеально. Строительство началось в конце 1886 года. Работами руководил Фердинанд Донатович Рыдзевский. Инженер выдающийся, а как человек, исключительно ответственный. Не давал спуска ни себе, ни строителям. Туннель врезали в горную толщу с двух сторон. Рыдзевский вместе с геодезистами ежедневно следил за намеченной осью. Над землёй и под землёй закрепили точки-ориентиры, от которых маркшейдеры вели отсчёты. Проходка велась, как я сказал, одновременно с запада и востока на глубине четыреста метров. Велась в сплошном скальном грунте, да ещё обводнённом подземными источниками. Высокая точность продвижения достигалась благодаря трассированию туннеля при помощи триангуляционной сети. Прошу простить за техницизм, — Пётр снова затаился и медленно выпустил дым. — Когда строители встретились, оказалось, что была достигнута потрясающая точность, которой в мире ещё не достигали. Отклонение по горизонтальной плоскости составляло 12 сантиметров, а по вертикальной и того меньше — 4 сантиметра, — Пётр замолчал. Сделав несколько затяжек, заговорил снова. — Вас интересует самоубийство инженера. Отвечу.

Но вначале скажу, как произошло соединение двух штолен. Сбойка забоев или, проще говоря, пробой дыры между штольнями, планировалась на одиннадцатое октября 1888 года. Об этом заранее был уведомлён император Александр III, который решил сам побывать на таком важном для государя событии. К тому же торжества готовились серьёзные. Однако в этот день сбойка не состоялась. Почему? Из-за чрезвычайно обильного притока воды. Её выброс мог сбить императора с ног, но государь всё же прибыл к туннелю. Рыдзевский был категоричен: пока вода не уйдёт, сбойки не будет. Расстроенный император ушёл восвояси и вообще отправился назад в Петербург. Ни один из чиновников обвинить Рыдзевского не посмел, риск и, правда, был велик. За три года строительства из-за несоблюдения техники безопасности погибло девятнадцать человек, — Пётр сделал паузу. — Вода спала через два дня, и в десять часов утра тринадцатого октября 1888 года к туннелю подъехали Министр путей сообщения Посьет и приглашённые иностранные гости. Депутация въехала на вагонетках в ярко иллюминированный огнями туннель с восточного входа. Доехав до конца галереи, где был заложен патрон с динамитом, гости слезли с вагонеток, и министр зажёл удлинённый фитиль. Произошёл взрыв. Образовавшееся сквозное отверстие соединило две штольни. Отверстие быстро расширили, и министр прошествовал на вторую сторону тоннеля. Его бросились поздравлять, а потом вообще все стали обниматься: грязные, мокрые, но безумно счастливые. Не было среди них только Рыдзевского.

Пётр замолчал, чуть дрожащими пальцами поднёс папиросу к губам и сделал несколько затяжек.

Городецкий не выдержал.

— Рыдзевский застрелился?!

Пётр опустил папиросу.

— Сначала скажу о надписи на обелиске.

Степан воскликнул:

— Ну, Петя! Не знал, что ты интриган!

Пётр на реплику не отреагировал и как можно спокойней сказал:

— На обелиске написано, что 11 октября 1888 года строительство тоннеля посетил император Александр III. Надпись за эти годы поблекла, и прочитать её из окна проходящего поезда практически невозможно, — Пётр вздохнул. — Вот собственно и всё.

Степан возмутился.

— Ты за кого нас принимаешь?!

— За людей.

— За идиотов!

— Прошу прощения, я что-то не договорил?

Вмешался Василий.

— Почему Рыдзевского не было на сбойке?

— Причина серьёзная.

— Какая же? — это уже спросил Городецкий.

— Рыдзевский ехал в поезде с государем. Александр III вёз его в Петербург для торжественного награждения.

Василий упавшим голосом спросил:

— Получается, никакого самоубийства не было.

Пётр улыбнулся.

— А ты хочешь, чтобы было. Самоубийство — это народная легенда. Что же касается Рыдзевского, то после пуска тоннеля император назначил его управляющим Варшаво-Венской железной дороги.

Степан зарычал.

— Ах ты, плут!

Городецкий же заплодировал.

— Потрясающий рассказ! Заставить вслушиваться нас во всякие там вертикальные и горизонтальные сантиметры, это надо уметь.

Пётр, продолжая курить, делал вид, будто говорили не о нём.

Степан не успокоился.

— Быть может, он и сейчас водит нас за нос. Когда я проезжал тоннель, никто не сомневался, что обелиск поставлен в честь инженера, который застрелился. К тому же в поезде были одни грузины, они не могли не знать, что самоубийства не было.

Пётр развёл руками.

— Получается, не знали.

Вмешался Городецкий.

— Грузинам подавай героев, об остальном они слышать не хотят. Когда я изучал историю Кавказа, меня потряс героизм грузин на Метехском мосту. Такого массового и такого возвышенного героизма в мировой истории ещё не было.

Степан спросил:

— Что было на мосту?

Василий усмехнулся.

— Не знаешь? Об этом может рассказать каждый гимназист.

— Я не учился в ваших гимназиях, — Степан перевёл взгляд на Петра. — И ты знаешь?

— Всё что касается мостов, я знаю, — Пётр улыбнулся. — Событие, о котором упомянул Сергей, и правда, очень известное.

— Расскажи.

— С меня хватит.

Вызвался Василий.

— Я расскажу.

Степан с подозрением спросил:

— Это не легенда?

— Не легенда. Есть исторические источники. Та же средневековая «Хроника столетия», именно в ней говорится о ста тысячах убитых.

— Ста тысячах! — Степан поразился.

Василий продолжил:

— Расскажу коротко, без всяких интриг. Это произошло в начале тринадцатого века во время войны между Грузинским царством и хорезмийским султаном Джелал ад-Дином. Армия султана нанесла поражение грузинам близ крепости Гарни, а после двинулась на столицу. Дочь царицы Тамары, королева Русудан и её двор бежали. Оставшийся в городе гарнизон оказал жесточайшее сопротивление султану. Однако среди мусульман нашлись предатели, открывшие вражескому войску ворота. Опуская подробности и сразу перехожу к Метехскому мосту, который был тогда единственным через Куру. По распоряжению султана из собора Сиони вынесли все иконы, в том числе Христа и Девы Марии. Ими устелили мост и согнали к нему всё христианское население столицы. Джелал ад-Дин сказал, что пощадит тех, кто пройдёт через мост по иконам. Не прошёл ни один. И началась резня. Убивали мужчин, насиловали женщин, отсекали головы детям. Потом сожгли саму столицу. На этом средневековый расцвет Грузии закончился.

Городецкий добавил:

— Грузинская православная церковь канонизировала не подчинившихся султану мужчин и женщин. С тех пор их называют: сто тысяч мучеников. Вообще Кавказ — это

реки крови, не исключение и день сегодняшний. Я написал немало статей на эту тему и даже книгу. Называется «Алый смерч».

Степан вздохнул.

— Не будем о грустном, вернёмся за стол.

Мужчины, не возразив, направились в зал.

Через приоткрытую дверь детской комнаты Сергей увидел дочь, державшую в руках рождественский альманах «Огоньки» с напечатанной в нём сказкой «Царевна Слостёна», эту сказку написал он.

Рогнеда как раз читала «Царевну Слостёну» сидевшим на ковре Володику и Зенону, а рвавшуюся к братикам Олю удерживала на коленях мама. Не выдержав, Мария отпустила дочь. Та неожиданно встала на носочки, тихонько подошла к братьям и села между ними.

Рогнеда читала место, где царевна Слостёна, проплыв в ореховой скорлупе по мармеладной реке, попала в палаты Пряничного королевича, и там малиновые, земляничные, черничные и ананасовые леденцы наперебой предлагали царевне съесть их. Увы, этого делать было нельзя.

Дочитав сказку, девочка закрыла альманах и сказала:

— Эту книжку я принесла в подарок Оле. Когда она научится читать, прочтёт в ней и другие сказки, а ещё мой любимый папин стих: «Я должен всё уразуметь, / Всё распознать и всё разведать, / Зачем нам мёд, зачем нам медь, / Где поражение, где победа...».

Девочка протянула альманах имениннице, но взял журнал Володик и, положив перед сестричкой, стал показывать ей картинки.

Мария, любуясь кукольным личиком Рогнеды, вдруг подумала: красота — божий дар, но и божий бич. Именно красивым женщинам меньше всего везёт в жизни.

О судьбе дочери Городецких Мария узнавала из писем Анны, а когда та умерла, писать ей продолжила сама Рогнеда.

В начале ноября одна тысяча девятьсот двадцать пятого года в столице был побит температурный рекорд и москвичи сняли пальто. Говорили: из-за шахматной горячки. Правительство организовало в Москве беспрецедентный по своему масштабу шахматный турнир, на который были приглашены сильнейшие шахматисты планеты, включая эксчемпиона мира Эммануила Ласкера и чемпиона мира Хосе Рауля Капабланку. Такого грандиозного события в молодой советской республике ещё не было. Газетчики приготовили ручки, фотокорреспонденты — фотоаппараты, а режиссёр Всеволод Пудовкин — кинокамеру.

Торжественное открытие турнира состоялось девятого ноября в Фонтанном зале Дома Советов, бывшем отеле «Метрополь». Билетов на открытие было не достать, а вот на первый тур одноклассник шестнадцатилетней Рогнеды Левон, сын известного нэпмана, владевшего не одним десятком магазинов и пятью ресторанами, билеты достал, и не просто билеты, а пригласительные билеты. Рогнеда, продолжая увлекаться шахматами, знала каждого участника турнира. Было их ровно двадцать один, а число «двадцать один» она считала магическим.

Утро для Рогнеды началось с посещения ателье Надежды Ламановой, где для молодой девушки, выглядевшей старше своих лет, был приготовлен эксклюзивный наряд от обуви до шляпки. Постаралась мама, передавшая хозяйке привет от Марии. Без этого «привета» попасть к Ламановой, обшивавшей партийную элиту, не представлялось возможным. К тому же значительную часть времени модельер затрачивала на разработку коллекций для международных выставок.

Модно одетый Левон, ожидая девушку на улице, прохаживался мимо огромной афиши, возвещавшей о премьерe фильма «Стачка» режиссёра Сергея Эйзенштейна.

Рогнеда смотрела на себя в зеркало, а помощница Ламановой заканчивала делать ей причёску.

В зеркале отражался прикреплённый к стене большой плакат, где были изображены Лиля Брик и её младшая сестра Эльза Триоле. Обе были в нарядах, которые они демонстрировали два месяца назад на Всемирной выставке декоративных и промышленных искусств в Париже.

Помощница рассказала Рогнеде, что эта коллекция получила Гранпри за национальную самобытность в сочетании с современным модным направлением. На этой выставке родилось течение «ар-деко», и отдельно был назван стиль «а-ля-рус». Коллекцию разработали Надежда Ламанова вместе с уже получившей международную известность скульптором Верой Мухиной. Одежда шилась из ткацкого сукна, бязи, холста и бумазеи. Шляпы — из рогожи. Пояса были оформлены крашеным горохом, а пуговицы выточены из дерева. Платья украшал оригинальный орнамент, включая придуманный Верой Мухиной «петушиный узор».

Во что-то подобное одели и Рогнеду. Когда она вышла на улицу, Левон ахнул. Их ждала машина, но от ателье до «Метрополя» было рукой подать, и пара пошла пешком.

Уже на подступах к Дому Советов собралась несметная толпа. Милиция организовала проход для обладателей билетов, и любители шахмат, напирая на стражей порядка, спрашивали лишний билет. Увы, лишнего счастья ни у кого не оказывалось.

Левон, взяв Рогнеду под руку, с важным видом двинулся по узкому проходу. Однако все взгляды были устремлены на девушку. Встали по стойке смирно даже милиционеры. Стражи порядка не сомневались, что в таком экзотическом наряде способна выйти на улицу только иностранка, а если учесть красивое личико, то мимо них шла, без сомнения, актриса.

Рогнеда, купаясь в обволакивающих её взглядах, вдруг вспомнила, что они с Леоном владеют английским языком, и решила окончательно добить публику.

А-ля иностранка тему выбрала простую. Нараспев сказала, что Москва ей нравится, и нравится здание, где проводится турнир. Сообразительный Левон принял игру и ответил, что здание действительно прекрасное, и здесь он не может не возгордиться отцом, который, будучи приятелем создателя «Метрополя» Саввы Мамонтова, посоветовал ему как лучше оформить фасад. Рогнеда, не ожидая такого ответа, искренне удивилась.

Левон показал на майоликовое панно над центральным входом и, перейдя на русский язык, сказал:

— Панно выполнено по картине Врубеля «Принцесса Грёза». А ниже тянулась мозаичная надпись: «Опять старая история: когда выстроишь дом, то замечаешь, что научился кое-чему». Это цитата из Ницше. Теперь же ты видишь цитату Ленина: «Только диктатура пролетариата может освободить человечество от гнёта капитала».

Вернулась к русскому языку и Рогнеда.

— Мой отец обожает Ленина, он был даже на его похоронах.

Теперь удивился Левон.

— Вот не подумал бы!

Ближе к зданию проход расширялся, милиционеры стояли здесь в два ряда.

Левон, предъявив билеты одетым в одинаковые костюмы контролёрам, вошёл с Рогнедой в фойе, и пара сразу проследовала в зал.

Огромный зал был уже полон. Раньше здесь размещался ресторан, который не обходила ни одна знаменитость.

Перед Рогнедой спешно расступались, и они с Леоном легко прошли к подиуму.

Жёлтый свет фонарей, смешиваясь с дневным светом, струившимся из-под стеклянной крыши, ярко высвечивал стоявшие на подиуме столики с креслами.

В глаза бросались таблички с фамилиями участников, на столиках красовались расставленные на досках шахматы, за ними виднелись шахматные часы, а в метре от столиков висели на стене демонстрационные доски с готовыми к бою шахматными фигурками. Вдоль подиума тянулся обитый красным бархатом канат, прикрепленный к золотистым стойкам. По краям стояли одетые в парадную форму милиционеры и следили за тем, чтобы к ограждению никто не приближался. Однако Рогнеде, вставшей у самого каната, стражи порядка сделать замечание не отважились, и Левон, пользуясь этим, пристроился за её спиной.

Сияющая девушка обернулась и сказала по-английски:

— В этом зале Сергей Есенин объяснился в любви Айседоре Дункан.

Левон спросил по-русски:

— Откуда тебе известно?

Рогнеда улыбнулась.

— Свидетелем был мой отец.

Сын нэпмана наклонился к уху Рогнеды:

— Можно и мне объясниться в любви?

— Кому?

— Тебе.

— Ах, хитрец.

— Да, я хитрец. Айседора ответила Есенину взаимностью, надеюсь, и ты поступишь так же.

Рогнеда засмеялась.

— Я далеко не Айседора, и до замужества мне далеко.

Левон ответить не успел, так как зал взорвался аплодисментами.

Из боковой двери один за другим стали выходить шахматисты. Участники турнира, поднявшись на подиум, образовали неровную шеренгу, в центре которой занял почетное место Капабланка.

Однако случился казус. Когда гроссмейстеры ещё только ступали в зал, все как один устремляли взгляд на одиноко стоявшую Рогнеду, и теперь вместо того, чтобы расточать улыбки зрителям, участники турнира не в силах были оторвать от девушки взгляд.

Овации постепенно стихли, и шахматисты неохотно направились к столикам.

Направились не все, один из них, спрыгнув с возвышения, быстро подошёл к Рогнеде. Одетый в элегантную тройку, коротко стриженный, с красивым лицом, шахматист произнёс по-русски, но с заметным акцентом:

— Я не ошибся, с небес спустилась сама Афродита.

Левон обмер. А Рогнеда, не растерявшись, ответила по-английски.

— Вам видней.

Перешёл на английский и приятно удивлённый гроссмейстер.

— Богиня играет в шахматы?

— Играю. На межшкольном турнире среди девушек я заняла первое место.

Шахматист воскликнул:

— Вы ещё школьница?!

— Да, школьница.

— Хотите, я вас потренирую?

— Когда?

От такого быстрого ответа гроссмейстеру пришлось задуматься.

— Сегодня после окончания тура, сможете?

— Смогу.

Счастливый шахматист повернулся, сделал два пружинистых шага и легко запрыгнул на подиум.

Левон схватил Рогнеду за рукав.

— Что это было?!

Девушка улыбнулась и, видя направленные на них любопытные взгляды, опять произнесла по-английски:

— Было объяснение в любви.

— Не надо так шутить.

Рогнеда убрала руку Левона.

— Это Рихард Рети, выдающийся чехословацкий гроссмейстер, слышал о таком?

Левон наморщил лоб.

— Знаю дебют Рети, это его дебют?

— Его, — Рогнеда перешла на русский язык. — Рети обогатил теорию шахмат и оригинальными этюдами. А недавно он провёл вслепую сеанс одновременной игры на двадцати девяти досках, это мировой рекорд, — девушка вдруг прыснула. — Потом произошло забавное. Рети забыл в зале свой портфель, и когда портфель вернули, он пожаловался на плохую память.

— Как ты узнала?

— Прочитала в «Шахматном листке».

Левон ухмыльнулся.

— Это выдумка журналиста.

— А вот не выдумка: на сегодняшний день Рети считается лучшим шахматистом планеты. В последние годы он занимал первые места в самых престижных турнирах. Ему прочат первое место и в Москве.

Левон не успокоился.

— Но чемпион мира всё же Капабланка.

— Они обязательно встретятся.

— А ты, получается, встретишься с Рети уже сегодня.

— Не ревнуй. Для меня сыграть партию с таким шахматистом, это как сон.

— Сладкий сон. Однако Рети уедет, а ты останешься.

— Глупый намёк.

— Пусть так. Но скажи прямо, у тебя есть ко мне чувства?

— Скажу. Целоваться с тобой не тянет.

— Благодарю.

Левон резко повернулся и стал пробираться к выходу.

Рихард и Рогнеда встречались каждый вечер. Гуляли по городу, играли в шахматы. Местом их занятий был гостиничный номер Рети.

Гроссмейстер показывал девушке, как развивать фигуры в дебюте, учил планировать игру в равной позиции.

На четвёртый день Рогнеда, собрав шахматы, шепнула Рети, что хочет остаться у него на ночь. Рихард замер, а девушка добавила, что родителей предупредила.

Рети потерял голову. Шахматы отошли на второй план. После окончания тура он рвался к возлюбленной. С жаром рвалась к нему и Рогнеда.

Рихард не высыпался, играл рассеянно и занял в турнире только седьмое место.

Рети уехал, но приложил все силы, чтобы вернуться, а вернувшись, тут же попросил у Рогнеды руки. Девушка дала согласие, хотя жених и был старше её на двадцать лет. Сыграв свадьбу, молодожёны отправились в путешествие по Европе.

Рихард боготворил Рогнеду. Покупал жене модные наряды, дорогие украшения. Подарил три шубы: на день рождения, на Рождество и на русскую Пасху.

Увы, вскоре шахматист заразился скарлатиной и умер.

Левон, узнав, что его возлюбленная свободна, всеми правдами и неправдами добрался до Чехословакии, но перебегая через железнодорожные пути, попал под поезд и погиб. И застрелился влюблённый в девушку известный поэт. Сделал ей предложение, но получил отказ. Рогнеда не в силах была забыть Рихарда.

Вдова осталась жить в Праге под фамилией Рети. Её пригласили в кино основатели киностудии «Баррандов» братья Гавелы, и она с успехом снялась в нескольких фильмах. Однако актёрская профессия оказалась ей не мила. Рогнеда блистала не только красотой, но и умом. С ней дружили знаменитые писатели, художники, музыканты, политики. Но больше всего она симпатизировала поэту-сюрреалисту Витезславу Незвалу, о котором даже написала очерк.

Когда Судетскую область Чехословакии захватил Гитлер, Рогнеда поехала к родителям. Решила переждать беспокойное время в Москве, но приехав, узнала, что мать часто болеет, а отец начал пить. Городецкого забыли, но это было мелочью по сравнению с арестами друзей и знакомых. Угнетала поэта и рухнувшая мечта о свободном творчестве в свободной стране. Теперь, чтобы прокормиться, Городецкий переводил стихи с языков братских республик.

Рогнеда собралась было привезти из Праги оставленные там наряды и украшения, но друзья сообщили ей, что квартира, где она жила с Рети, сгорела.

Однако больше всего волновал семью Городецких продолжавшийся арест бывших дворян.

Рогнеда, беспокоясь за отца, отправилась к Берии. Берия тут же принял отважную женщину и после проведённого с ней вечера пообещал, что знаменитого поэта не тронут. Слово своё сдержал.

В первый же день войны Городецкий написал стихотворение «В ответ врагу» и отнёс его на радио. Ему предложили прочесть стих самому, что он и сделал.

Болезненную Анну Сергей увёз из холодной Москвы в Узбекистан. Там занялся переводом стихов узбекских и таджикских поэтов.

Рогнеда переждала войну в московской квартире в полном одиночестве.

Когда родители вернулись, совсем ослабевшая Анна умерла. Перед смертью она попросила похоронить её в платье, пошитом Марией, которое так ни разу и не надела.

Платье Рогнеда нашла, отутюжила и этим украсила дешёвенький гроб. У могилы стояли землекопы с батюшкой, да она с отцом. Благодарила бога, что удалось похоронить мать на Ваганьковском кладбище.

После смерти Анны Сергей посвятил покойнице стихотворение и ушёл в запой. Рогнеда, боясь, что может потерять и отца, решила найти для него работу.

Соображала недолго: почему бы поэту не сочинять тексты для песен.

Не сказав отцу ни слова, дочь отправилась к композиторам. Принял её сам Председатель Оргкомитета Союза советских композиторов Рейнгольд Морицевич Глиэр.

Мэтр вскочил, пошёл Рогнеде навстречу и усадил за отдельный стол. Секретарь принесла чай с печеньем, а сам композитор открыл коробку шоколадных конфет кондитерской фабрики «Красный октябрь».

Конечно же, Глиэр слышал о Городецком, правда, стихов его не читал, но верил, что у поэта остался порох в пороховницах. Придвинув очаровательной гостье конфеты, композитор открылся ей, что, поэтов-песенников развелось как дятлов в лесу: тук-тук-тук, тук-тук-тук — на машинке, но дочери такого человека как Городецкий он поможет. И свои слова на ветер не бросил.

Уже через день Глиэр познакомил Рогнеду с молодым композитором Юрием Бирюковым, сказав, что его творчество высоко оценено музыкальным сообществом. От себя добавил, что Бирюков талантлив и в будущем его ждёт небывалая слава.

Проводив гостей до двери, мэтр пожелал обоим успеха.

Пара, выйдя из кабинета, миновала приёмную и ступила в полутёмный коридор. Неожиданно композитор забежал вперёд и упал перед Рогнедой на колени.

— Я сделаю для вас всё!

— Не дурачьтесь, — Рогнеда подняла его. — Для меня не надо, сделайте для отца.

— И для отца, и для отца сделаю!

— Тогда позвольте спросить, у вас есть музыка, под которую уже сейчас можно писать текст.

— Есть, есть! И не одна! Поедьте ко мне, я наиграю.

Рогнеда, понимая причину такой услужливости, сказала:

— Поеду, но только не вздумайте распускать руки.

Бирюков не двинулся с места.

— Вы замужем?

— Какое это имеет значение?

Композитор взмолился:

— Прошу, ответьте.

— Была замужем.

Глаза Бирюкова загорелись.

— А я холост. Выходите за меня.

Рогнеда хмыкнула.

— Вы даже не спросили, сколько у меня детей.

Композитор вскрикнул:

— Это не имеет значения! Я хорошо зарабатываю.

Рогнеда впервые посмотрела на Бирюкова заинтересованно.

— Честно сказать, вы мне нравитесь.

— Ура! — музыкант выглядел как ребёнок. — Не буду скрывать, я влюбился в вас, влюбился, как только увидел.

Рогнеда вдруг почувствовала, как угнетавшая её в последние годы смертельная усталость, миг испарилась.

— Для меня такие признания не новость, но с вами я пошла бы в ЗАГС.

Бирюков опять вскричал:

— Вы не шутите?!

— Не шучу. Вы человек молодой, симпатичный и, поверю Глиэру, талантливый.

— Нет, нет, нет! Это просто чудо!

— Давайте без эмоций.

— Вы, правда, согласны стать моей женой?

Рогнеда не узнавала себя.

— Согласна.

Бирюков схватил её за руку.

— Детей ваших усыновлю!

Рогнеда хохотнула.

— Нет у меня детей, я пошутила.

Композитор растерялся.

— Прошу прощения, но рожать вы можете?

Теперь Рогнеда просто зашлась от смеха.

— Пока не пробовала. Но если вас так интересуется, два раза делала аборт.

Бирюков неожиданно запел:

— И тот, кто с песней по жизни шагает. Тот никогда и нигде не пропадёт! — не прерывая петь, музыкант взял Рогнеду под руку и зашагал с ней по коридору.

Из дверей стали выглядывать, но тут же их закрывали. Пара была трезвой, а странности в расчёт не брались.

Свидетелями при заключении брака были Рейнгольд Глиэр и будущий бессменный секретарь Правления Союза композиторов СССР Тихон Хренников.

Свадьба прошла в пригороде Москвы, в усадьбе под названием Бугры.

В усадьбу Бирюков повёз Рогнеду в первый же день знакомства. Повёз на своей «Победе», которую только-только начал выпускать Горьковский автозавод. В дороге композитор поведал будущей супруге историю этой необыкновенной усадьбы.

До революции Бугры принадлежали известному в России врачу и знаменитому коллекционеру русской живописи Ивану Трояновскому. В его коллекции насчитывалось более трёхсот картин таких художников как Серов, Репин, Левитан, Врубель, Коровин, Грабарь. После смерти Трояновского усадьбу унаследовала его жена Анна Ивановна. Большой дом она продала своему давнему знакомому, художнику Петру Кончаловскому, а сама переехала в просторный флигель. Со временем и он стал ей не нужен. Анна Ивановна постарела и выезжать за город больше не желала.

Дойдя в рассказе до этого места, Бирюков с гордостью произнёс:

— Этот флигель теперь мой!

— Ух ты! — Рогнеда не ожидала такого поворота.

— Я не нарадовался покупке, ходил, восторгался оставленной старушкой мебелью, однако больше всего меня восхитил, — композитор сделал паузу, — туалет!

— Да?!

— Фанерная обшивка была снизу доверху исписана автографами посещавших усадьбу знаменитостей и, соответственно, в туалете сидевших.

Засмеялись оба. Рогнеда весело спросила:

— Как же тебе досталась такая достопримечательность?

Бирюков выглядел взлетевшим на забор петухом.

— Я перебил конкурентов деньгами!

— Смотри-ка! — не сдержала эмоций Рогнеда, и как всякая женщина, поинтересовалась. — Какой же, если не секрет, у тебя заработок?

Композитор хитро улыбнулся.

— Для будущей жены — секрет, надо и на карман оставлять.

— Оставляй, ради бога. Меня больше удивило, что музыка так хорошо оплачивается.

— Смотря, какая.

— И какая же?

— Чтоб начальству нравилась.

— А народу?

— Не будь наивной. Именно начальство и знает, что нравится народу.

Рогнеда улыбнулась.

— Скорей всего, ты прав.

— А что касается меня, зайди в любой дворец культуры, в любой сельский клуб и послушай хор. Всегда найдёшь в репертуаре мои песни.

Рогнеда быстро спросила:

— Кто пишет слова?

Бирюков, удерживая руль одной рукой, вальяжно откинулся на спинку сидения.

— Ко мне очереди выстраиваются. Лебедев-Кумач, Илья Сельвинский, Алексей Фатьянов, Александр Твардовский.

Рогнеда перебила:

— Я поняла.

— Нет уж, раз спросила, назову ещё Пушкина, Лермонтова, Тараса Шевченко. На их стихи у меня написаны целые вокальные циклы. А, к примеру, для моей кантаты «В путь» слова писал Эс-Хабиб-Вафа.

— Не слышала о таком.

— Это индийский поэт. Преподавал в Московском институте востоковедения.

— Извини, перебью. На крупные формы не замахваешься?

— Хорошо сказала. Именно замахваюсь. Сейчас работаю над оперой «Барышня-крестьянка» по повести Пушкина. А вообще озвучиваю спектакли, пишу музыку для мультфильмов но, главное, для фильмов художественных. Ты наверняка смотрела «Воздушный извозчик», «Жди меня», «Нашествие».

— Увы, — Рогнеда вздохнула. — Я долго жила в Чехословакии, а когда вернулась, мне было не до развлечений.

— Жаль.

Чуть помолчав, Рогнеда спросила:

— Что предложишь моему отцу?

— Я уже решил — новогоднюю песню. Музыка написана. Если слова будут зажигательными, песня прозвучит по радио. Естественно, перед Новым годом. Но деньги заплатят сразу.

— Деньги отцу, конечно, нужны, но моя цель: максимально его занять.

— Займём. А чтобы не скучал, пусть пишет просто стихи. Обещаю тискать в газеты.

— Правда?

— Газет, сама знаешь, сколько. Имею в виду не только центральные, но и районные, заводские, фабричные. Платят, конечно, не густо, зато можно взять количеством.

— Спасибо.

«Победа», свернув с накатанной лесной дороги, подъехала к усадьбе и остановилась.

Рогнеда увидела дом и рядом флигель. А когда вошла в него, подумала, что во флигеле мог бы жить отец. В Москве каждая вещь напоминала ему Анну.

Бирюков обрадовался предложению Рогнеды, мол, будет кому ухаживать за домом.

Городецкого уговаривать не пришлось, через день он уже расхаживал по усадьбе.

Слова для новогодней песни получились зажигательными, как того хотел композитор, и под Новый год песня прозвучала на весь Советский Союз:

«Время наполнить бокалы. / Здравствуй советский народ. / В блеске побед — небывалый / Славный мы прожили год...».

Удачными оказались слова и для следующей работы: кантаты «Песнь о партии». Опус тут же был включён во все филармонические программы.

Из стихов первым вышел из-под пера Городецкого «Кремль», а дальше пошло-поехало. Публиковались стихи в «Правде», «Известиях», «Труде», но основными газетами были всякие там «гудки» и «красные зори».

Напрягаться Городецкому не приходилось. Он подсчитал, что на всё про всё хватает полсотни слов, которые можно было тасовать как карточную колоду.

В первую десятку входили: «Ленин, партия, комсомол. Родина, страна, отчизна. Славься, цветы, мужай. Человек, век, рек». «Рек» от слова «реки». Нашлась к слову «человек» и свежая рифма: «чебурек». Нашлась, когда Городецкий с Бирюковым исполняли заказ для ялтинского треста столовых и ресторанов.

Помимо песен Городецкий сочинял оперные либретто и даже написал новый текст к опере Глинки «Жизнь за царя». Из предложенных им названий руководство выбрало: «Иван Сусанин».

Союз Бирюкова с Городецким крепчал. Заказы сыпались как из рога изобилия: Казахстан, Таджикистан, Киргизстан, Узбекистан. Здесь на первое место вышло склоняемое во всех падежах слово «дружба». А потом верхнюю ступень пьедестала заняла «кукуруза». Склонялось слово по тем же шести падежам, но уже не только в стихах и песнях, но и в частушках. Правда, Бирюкову этого показалось мало, и он написал полуторачасовую ораторию «Королева полей».

Всеядный композитор приезжал в Бугры, хватал горячие тексты и, не теряя времени, клал их на музыку. Завизировав работу в Союзе композиторов, летел в кассу. Деньги делил на три части: себе, жене и Городецкому. Делил в пропорции: четыре, к двум и к одному. Поэт не жаловался, пачка всегда выходила увесистой.

Расплатившись с Городецким, Бирюков распивал с ним бутылку и тут же катил назад, но уже не на старенькой «Побед», а на чёрной «Волге», которую доставили ему прямо с конвейера. Номера на машину поставили такие, что стражи порядка отдавали водителю честь.

Существенная часть гонорара уходила у Городецкого на водку, остальные деньги поэт складывал в шкатулку, но если Бирюков задерживался, и они шли на горячительное.

Неожиданно приверженец язычества взялся писать автобиографический очерк. Закончив его, вывел на обложке: «Мой путь», пошёл в туалет, поставил свою роспись между автографами Прокофьева и Пастернака и вскрыл себе вены.

Рогнеда как чувствовала. Приехала проведать отца, и — на тебе. Слава богу, кровь остановила, а вскоре подъехали и вызванные соседями медики. Городецкий остался жив.

С Бирюковым Рогнеда развелась, композитор оказался тем ещё бабником. Да и как им не стать с такими деньгами. Однажды пришёл, попросил у бывшей жены прощение и выложил на стол целых двенадцать тысяч. Огромнейшая сумма. Но Рогнеда не простила Бирюкова. Композитор давно спился. Да и не был он уже композитором. После отставки Хрущёва песни Бирюкова исполнять перестали, исчезли из репертуара оркестров написанные им кантаты, а потом вообще его вычеркнули из всех филармонических списков.

Композитора забыли бы вовсе, если бы не одна его песня, которую бережно хранил народ. Музыку к этой песне талантливый Юрий Бирюков писал, бесспорно, в своё удовольствие. И как же она украсила фильм «Дом, в котором я живу». С того времени и запел народ: «Тишина за Рогожской заставою. / Спят деревья у сонной реки...».

Постаревшему Городецкому не спалось. Ночами он гулял по яблоневому саду, который много лет растил сам. Глядя на звёзды, поэт читал вслух свои давние-давние стихи. А весной, когда яблони одевались в белый наряд, он рассказывал деревьям о своей Анне, и ему казалось, что пробежавший по веткам ночной ветерок нёс с собой дыхание возлюбленной.

Чаще всего ночной садовник повторял свои самые заветные строки:

«О тебе, о тебе, о тебе / Я тоскую, мое ликованье. / Самой страшной отдамся судьбе, / Только б ты позабыла страданье. / Плачет небо слезами тоски, / Звон дождя по садам пролетает. / С яблонь снегом текут лепестки. / Скорбь моя, как огонь, вырастает. / Вот она охватила сады / И зарю у озер погасила, / Оборвала лучи у звезды, / У вечерней звезды белокрылой. / Ало-чёрным огнем озарён, / Страшен свод. Но, смеясь и сияя, / В высоте, как спасительный сон, / Ты стоишь надо мной, дорогая. / Я к тебе из томленья, из тьмы / Простираю безумные руки. / О, когда же увидимся мы / И сольемся, как в пении звуки?»

Созревшие яблоки Городецкий раздаривал соседям и детворе. Летом у него гостила внучка, ребёнок от Бирюкова, и это были для старика самые счастливые дни. К сентябрю мама забирала девочку, и тогда поэт садился писать стихи. Пальцы дрожали,

карандаш ломался, и он, чертыхаясь, затачивал его перочинным ножиком, который в знак дружбы подарил ему Сергей Есенин. Подарил в то безмятежное время, которое теперь называли «серебряным веком».

В своём последнем стихотворении «Арфа» Городецкий писал:

«И кажется, что эти звуки / На волю выведут меня / Из праздной скуки, душевной муки / Ушедшего бесплодья дня».

Умер поэт за год до ввода советских танков в Чехословакию.

Рогнеда похоронила отца рядом с матерью. Сама Городецкая-Рети-Бирюкова умерла на рубеже веков, в день, когда Борис Ельцин назвал своего преемника.

Встретится ли она с Марией в тех неведомых даях, название которым «вечность»? Неизвестно. А пока Мария смотрела на ангельское личико двенадцатилетней девочки с красивым древнерусским именем и гадала, какая будет у неё судьба. Судьба Царевны Слостёны?

В сказке Слостёна не смогла удержаться от соблазна и потянулась к черничной со-сулке. Отломила кусочек, поднесла ко рту, и в этот миг свет во дворце погас, а сам дворец потемнел и растаял. Царевна осталась одна. Внезапно Слостёна увидела плывшую по реке скорлупку с потухшей свечкой и услышала чей-то плач, горький-прегорький. Однако конец сказки оказался счастливым. Героиня проснулась и поняла, что это был сон.

Альманах «Огоньки» лежал в бабушкином сундуке между сборником стихов «Ярь» и журналом «Орион» с напечатанным в нём романом «Алый смерч». Я сохранил альманах и через много лет читал «Царевну Слостёну» своей дочери.

ОЧАРОВАННАЯ ДАЛЬ

Большой красный абажур с длинной бахромой и с золотистыми кисточками Степан купил на Майдане у одноглазого перса. По окружности абажура серебряной нитью были вышиты диковинные цветы, обвитые женщиной-змеей с лицом китайской богини Нюйвы, создательницы человечества. Степан, знакомый с восточной мифологией, не сомневался в своей догадке.

Перс заломил за товар невысказанную цену, утверждая, что абажур висел в покоях недавно сверженного османского султана Абдул-Хамида Второго. Степан засмеялся, сказав, что в покоях султанов абажуры не висят, и цену надо уменьшить в три раза. В результате сошлись на цене в два раза ниже предложенной.

Абажур Степан приобрёл для личных апартаментов, расположенных на втором этаже его кухмистерской. Так называл он свой ресторан «Трембита».

Апартаментами Степана служила просторная комната с закруглёнными углами и большим овальным окном, завешенным светонепроницаемыми шторами. Стены хозяин обил зелёным сукном, а пол устелил серым войлочным ковром.

Комнату Степан отделал по своему вкусу, хотя и понимал, что это сборная солянка, а вот интерьер ресторана он как истый украинец не мог не оформить в национальном стиле, тем более для Грузии это было экзотикой.

Дубовые столы застилались скатертями с украинским орнаментом, на спинках дубовых же стульев висели рушники. Дубовыми были и потолочные перекрытия, с которых свисали связки чеснока, лука, перца, трав. Между окнами с соломенными портьерами тянулся плетень с надетыми на него кринками. В углах возвышались бочки с выставленными на них деревянными кружками. Официанты, одетые в вышиванки, приносили блюда на расписных досках.

Главным блюдом являлся украинский борщ, подаваемый в глубокой глиняной тарелке с жёлто-синим ободком. Тем, кто его заказывал, подносили бесплатно рюмку самогона. Желаящим выпить вторую рюмку требовалось уже платить, и стоила она в полтора раза дороже рюмки чачи.

Отдельное меню предлагало более двадцати наименований вареников. Вареники с мясом, творогом, картофелем, фруктами, ягодами, грибами. Сметану к вареникам принесли в расписном горшочке и ставили на рушник. Рядом клали деревянную ложку.

Из прохладительных напитков подавались фруктовые компоты. Большие кастрюли охлаждали в подвале на вырубленных из ледников кусках льда. Лёд доставляли горцы.

Степан прочитал в журнале «Природа», издаваемом Российской академией наук, что первым додумался торговать льдом американский коммерсант Фредерик Тюдор, начавший заниматься «ледяным» бизнесом в 1806 году. Отправив пробную партию льда на карибский остров Мартиника, он понял, что товар востребован. Но когда предприниматель только выдвигал эту идею, его посчитали сумасшедшим. За короткое время Тюдор стал миллионером, и продавцы льда начали расти как грибы. Лёд добывался на севере и развозился по южным странам на специально оборудованных судах. Прибыль, получаемая от продажи замороженной воды, сводила с ума даже торговцев золотом.

Степан не был бы Степаном, если б ограничился только украинскими блюдами. Повара готовили и самые изысканные грузинские кушанья, о чём говорили расписанные снизу доверху стены.

Стоило посетителю войти в ресторан, как ему бросался в глаза хоровод из вареников и хинкалей, в центре которого парили тарелки с борщом и харчо. На левой стене красовались гуцул с длиннущей трембитой и весёлый грузин с дудукой. На противоположной стене были нарисованы танцующий с бутылкой на голове кинто и выделяющийся коленца гоголевский Чуб из «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Первое время Степан дневал и ночевал в ресторане. Необходим был глаз да глаз, начиная от обслуживания гостей и кончая внешним видом блюд.

Степан подсказывал поварам, какую лучше форму придать в борще куску мяса, чтобы сочный кусок сам просился в рот. А на заказанные вареники с вишнями он предлагал класть сверху вареник чуть приоткрытый, чтобы потекли слюнки от одного только вида игравших сахарными боками вишен, а пропитанные густым красным соком края вареника так бы и тянуло откусить.

К ночи Степан валился с ног. Приходя в свою комнату с приглушённым светом, он опускался на ковёр и начинал восполнять растраченную за день энергию. Этой технике его обучил индийский йог, с которым судьба свела Степана в Одессе.

На индийском судне прибыл худой смуглый человек. Проходя таможенный контроль, мужчина сказал по-английски, что он йог и у него, кроме котомки с курительными травами, больше ничего нет.

Позвали Степана, знавшего английский язык. В котомке обнаружился ещё чиллум, курительная трубка, которой пользовался сам бог Шива, считавшийся Великим Йогой. Степан читал об этом, и сомнения о контрабанде отпали. Он спросил приезжего о цели приезда. Йог ответил, что в Индии прошёл слух о повальном увлечении в России восточной философией. В Петербурге холодно, а в тёплой Одессе он намерен открыть школу по изучению йоги. Степан воскликнул, что готов записаться в эту школу прямо сейчас. В юности он прочёл индийскую поэму «Махабхарата» и с тех пор не переставал интересоваться восточной философией.

Малоизвестная во времена его юности «Махабхарата» стояла в ровенской библиотеке на видном месте. Почему? Написанную на санскрите поэму перевёл на украинский язык сам Иван Франко, корифей украинской литературы.

Стихи поэта Степан читал ещё во время учёбы в реальном училище, и они сразу же запали в его душу. Запали в душу не только стихи, бурю эмоций вызвал роман «Ради семейного очага», написанный Франко на основе реальных событий. Об этих событиях Степан читал в газетах. Репортёры подробно освещали проходившие во Львове два судебных процесса по делам о проституции и торговле девушками для заграничных борделей.

Трагический финал книги потряс Степана, а последние строки романа он запомнил на всю жизнь. В переводе с украинского языка на русский эти строки читаются так: «На Анелиной могиле нет ни креста, ни плиты с надписью, только высокий кипарис, ограждённый железными решетками, вздымается вверх ровно как свеча, в своей густой, вечной зелени...».

После прочтения романа Степан намеренно стал искать книги Франко. Оказалось, что их переваливает за сотню. Попался ему даже переведённый на украинский язык «Капитал» Маркса. Степан пролистал его, а следом прочёл статью Франко об идеологии Маркса и Энгельса. В ней писатель сделал вывод, что коммунизм приведёт к созданию тюремного государства, где одна часть населения превратится в надсмотрщиков, а вторая в заключённых. После этой статьи Степан стал относиться к марксистам с осторожностью.

Другое дело — уроки йога. Овладев специальными техниками, Степан в той или иной мере научился управлять собой. Сдерживать, например, гнев, приглушать боль, сохранять присутствие духа в, казалось бы, безвыходных ситуациях. И научился снимать усталость. Он садился на ковёр и, приняв позу лотоса, фиксировал взгляд на образованном абажуром световом пятне. Сосредоточившись, Степан делал глубокий вдох и после — медленный-медленный выдох. Одновременно с выдохом он вёл взглядом по линии убывания света: от центра светового пятна до стены. Выдох заканчивался с остановкой взгляда на уже почти невидимом плинтусе. Упражнение, называемое в йоге пранаяма, повторялось до полного восстановления сил.

Йог пояснял: вдох — это свет, выдох — переход света во тьму. Наличие в человеке воздуха — жизнь, отсутствие — смерть. Делая упражнение, человек рождается и умирает, рождается и умирает. Но с каждым рождением к нему прибывает энергия. Таким же образом дышит и вселенная. В данное время вселенная находится на стадии выдоха.

Когда Степан в самый первый раз восполнял растрченную за день энергию, световое пятно на ковре вызвало у него воспоминание об учёбе в реальном училище.

Старый учитель, мешая украинские и польские слова, вдохновенно рассказывал о законе распространения света. Написав на доске конечную формулу, он вдруг перешёл на шёпот и сказал, что фраза из третьего стиха Книги Бытия: «Да будет свет!» нарушает главный закон физики. Свет не может возникнуть из ничего, а значит, мир со всеми его звёздами создал не Бог.

Слушая старого учителя, Степан впервые задумался о мироздании, которое и по сей день не давало ему покоя. Закончив упражнение, он подходил к окну, раздвигал шторы и устремлял взгляд к звёздам.

Степан чтит законы физики и понимал, что свет из ничего не рождается, а вот чудо, спрашивал он себя, рождается? И сам же отвечал: да. Но кто отважится сказать, что вселенная не чудо?

Неожиданно у него родилось для чудо-вселенной название: «очарованная даль». Эти слова запали в память Степана после прощального вечера с Городецкими, который прошёл в его ресторане.

Явился весь «Цех поэтов». Не могла не прийти Мария, в последнее время она виделась с Анной ежедневно.

Никто не наряжался, разве что в траур, каждый понимал, что без Городецкого «Цеха поэтов» не будет. Да разве только «цеха»? Мало кто не осознал, что с приходом большевиков унеслась в тартарары целая эпоха, где некий таинственный суд, в котором, несмотря на все «измы», хранилась поэтическая душа, разбился, а из его осколков когтистые лапы склеили колбу для гомункулов. Не узнать было даже Маяковского.

Один из молодых поэтов процитировал:

— Мы идём
революционной лавой.
Над рядами
флаг пожаров ал.
Наш вождь —
миллионноглавый
Третий Интернационал!

Тесно сидевшие за столом поэты напоминали родственников, пришедших на поминки умершего главы семьи. И тосты были схожие. Говорили о заслугах Городецкого, о его бескорыстной деятельности на благо российской культуры, пожелали ему успеха на новом месте — здесь было отличие от покойного, хотя кто это мог знать. Городецкий произнёс ответный тост. Обошёл стол, пожелал каждому удачи. Выпили молча.

Марии казалось, что вечер вот-вот закончится.

Внезапно цитировавший Маяковского поэт, взяв за углы матерчатую салфетку, поднял её до уровня глаз и заговорил:

— И странной близостью закованный,
Смотрю за тёмную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.
Поэт отбросил салфетку и поднял бокал.
— Предлагаю выпить за то, чтобы очарованная даль не была от нас далёкой.

Окончание в следующем номере

